

К. А. И в а н о в ,
Директор ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Царскосельской гимназии.

Средневековая деревня и её обитатели.

Предисловие. — На развалинах Рима. — Рабочий день в деревне. — Воскресенье в деревне. — Из эпохи Жакерии. — Крестьянская свадьба. — История Гельмбрехта. — Деревенские праздники. — Фландрский граф и крестьянин (средневековая легенда).



Цена 75 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА
„ПЕТРОГРАДСКИЙ УЧЕБНЫЙ МАГАЗИН“.
Петроград. Каменноостровский просп., № 29.

1915.

Книги того же автора:

- 1) Средневековый замок и его обитатели, с рис. Ц. 75 к.
- 2) Средневековый город и его обитатели, с рис. Ц. 75 к.
- 3) Средневековый монастырь и его обитатели, с рис. Ц. 1 р.
- 4) Средневековая деревня и её обитатели, с рис. Ц. 75 к.
- 5) Трубадуры, труверы и миннезингеры, с рис. Ц. 1 р. 50 к.
- 6) История древнего мира, с рис. и хронологическую таблицей. Ц. 80 к.
- 7) История средних веков, с рис. и хронологическую таблицей. Ц. 80 к.
- 8) Новая история, с рис. Ц. 80 к.
- 9) Учебник новейшей истории. Ц. 80 к.
- 10) Учебник русской истории (систем. курс), со многими рис., генеалог, и хронол. таблицами. Ц. 1 р. 40 к.
- 11) Восток и мифы, с рис. Ц. 75 к.
- 12) Сокращ. курс истории древнего мира, с рис. Ц. 60 к.
- 13) Сокращ. курс истории средн. веков, с рис. Ц. 60 к.
- 14) Сокращ. курс новой истории, с рис. Ц. 75 к.
- 15) Очерки по методике истории. Ц. 1 р.
- 16) Стихотворения Е. А. Иванова, роскошное издание на венецовой бумаге, стр. 510+5. Ц. 2 р.
- 17) Лепестки. Новый сборник стихотворений К. А. Иванова. Ц. 1 р.
- 18) Сокращенный курс русской истории. Ц. 75 к.
- 19) Краткий курс всеобщей истории (для высших начальных училищ) с рис. Ц. 90 к.

Готовится к печати:

Средневековое папство и его представители, с рис.

«Петроградский Учебный Магазин», кроме своих изданий, по требованиям высылает и все другие **учебные** книги.

К. А. И в а н о в ,

Директор ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Царскосельской гимназии.

Средневековая деревня и её обитатели.

Предисловие. — На развалинах Рима. — Рабочий день в деревне. — Воскресенье в деревне. — Из эпохи Жакерии. — Крестьянская свадьба. — История Гельмбрехта. — Деревенские праздники. — Фландрский граф и крестьянин (средневековая легенда).

Издание четвертое, с рисунками.



Цена 75 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ТОВАРИЩЕСТВА
„Петроградский Учебный Магазин“.

Петроград, Каменноостровский, 29.

1915.

Петроград. Типо-литография М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Предисловие ко 2-му изданию.

Настоящее издание отличается от первого, ныне исчерпанного, некоторыми исправлениями и дополнениями в тексте. Не можем не повторить здесь уже раз высказанного нами, а именно, что предпринятые нами издания имеют своими целями: содействовать оживлению и дальнейшему улучшению исторического преподавания и распространению в среде нашего образованного общества более верного представления о средневековье, что, конечно, и для нас, русских, не безразлично. Питаем надежду, что доброжелательное отношение к первому изданию предлагаемых очерков будет проявлено и к выпускаемому ныне в свет второму изданию их.

С.-Петербург.
8-го декабря 1902 года.



На развалинах Рима.

Один из древнейших христианских писателей ¹⁾, ссылаясь на писателя языческого, рассказывает следующую поэтическую легенду о царе Тарквинии ²⁾ и Кумской прорицательнице, его навестившей. Явившись к римскому царю, Кумская сивилла (пророчица) предложила ему купить за 300 золотых монет девять книг, в которых была начертана вся будущая судьба Рима. Тарквиний не пожелал дать требуемой суммы и начал торговаться с прорицательницей. Последняя, в ответ на это, взяла три из принесенных ей книг и бросила их в горевший тут же огонь, где они скоро превратились в пепел. После этого она снова предложила царю купить оставшиеся шесть книг, но назначила за них прежнюю цену, ей объявленную. Тарквиний посмеялся над нею, как над безумною, и за оставшиеся в целости книги предложил еще меньшую плату, сравнительно с тою, которую давал за все девять книг. Сивилла бросила в огонь еще три книги и в третий раз предложила царю не пренебрегать принесенным ей товаром, но теперь за последние три книги она требовала все той же, ранее назначенной ей платы. На царя нашло раздумье, он был поражен

¹⁾ Творения *Лактанция*, перев. Карнеева, Спб. 1848 г. Божественный наставления, кн. I, гл. 6.

²⁾ Эта легенда одинаково относится древними писателями к обоим Тарквиниям. — и Приску, и Гордому.

поступками сивиллы и, боясь, что навсегда лишится сам и лишит своих потомков возможности заглянуть в таинственную будущность Рима, приказал уплатить Кумской пророчице 300 золотых монет, а купленные книги содержать в полной сохранности. С того времени римляне раскрывали эти книги в годы каких-либо общественных бедствий или перед началом войн, чтобы прочесть на пророческих страницах совет, указание или предсказание, касающиеся того или другого насущного вопроса.

Эта сага была записана в ту пору, когда Рим почти достигнул своих отдаленнейших границ, незадолго до переворота, заменившего Римскую республику империей. В то время естественно возникал у многих вопрос, что сулит Риму его грядущая судьба, какой период наступит за славным периодом громких побед и блистательных завоеваний? Если бы возможно было хоть немного приоткрыть ту завесу, которая скрывает будущность его! Вопрос оставался без ответа или, лучше сказать, вызывал следующий ответ: будущее неизвестно; был случай узнать его, но царь Тарквиний пренебрег им. И, конечно, огромному большинству римского населения будущее представлялось далеко не в том виде, в каком суждено было проявиться ему.

Но встречались отдельные лица, и даже несколько ранее указанной нами поры, лица, которые, задумываясь над судьбою своего отечества, испытывали далеко не радостные чувства и как бы пророчески провидели заключительные явления трагической истории Рима. К таким личностям принадлежал герой третьей пунической войны, Сципион Младший. „Говорят, — рассказывает историк Полибий, — что, при виде до основания разрушенного Карфагена, Сципион пролил несколько слез, оплакивая участь своих врагов. Долгое время он

оставался в задумчивости. Поразмыслив о том, что судьба городов, народов и всех государств так же переменчива, как судьба отдельных людей, что такова была судьба Илиона, города когда-то процветавшего, что таковы были судьбы ассирийян, мидян, персов, бывших некогда столь могущественными, такова наконец была судьба македонян, память о славе которых была еще так жива в то время, он продекламировал, или под влиянием невольного волнения или под влиянием раздумья, следующие стихи из Гомера:

Будет некогда день, и погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

Когда Полибий спросил у него, какой смысл придает он этим словам, Сципион отвечал ему, что под Троей он подразумевает свое отечество, что он боится за свое отечество, которому, в силу переменчивости судьбы человеческой, может предстоять подобный же конец".

И действительно, нечто подобное совершилось с великим Римским государством. Сама гибель его „таилась" там, откуда Рим не ожидал её, — в зарейнских и задунайских странах, населенных варварскими народами германского племени. Римляне то враждовали, то дружили с ними, римский воин вносил туда огонь и разрушение, римский купец заносил туда свои товары, римское правительство открывало свои границы для целых народностей и селило их на своей земле. После того наступила пора почти непрерывной, трагической борьбы: германцы прорывали римские границы, римляне сдерживали их натиск, как крепкие плотины сдерживают напор расходившихся океанических волн. Но вот океан прорвал плотины: варварские народности, одна за другой, разлились по обширной поверхности Западной Римской империи; им сопут-

ствали разрушения и пожары. Совершилось то, что смутно представлял себе Сципион, чего не было сказано в сохранившихся Сивиллиных книгах: Западная Римская империя перестала существовать. На её землях поселились варварские народности, подчинившие себе и римлян, и те народы, которые когда-то покорились римлянам, а теперь были совершенно романизованы ими. Так появился новый этнографический слой на землях, принадлежавших Риму. Победители-варвары, поселившись в разных частях империи, образовали на развалинах Рима свои собственные, варварские королевства.

На развалинах Рима возникла новая жизнь, но не сразу установились формы её, и этому установлению предшествовала пора внешних войн, внутренних междоусобиц, тяжелая переходная пора.

Прежде чем говорить о зачатках новой формы политического и общественного быта, с X-го века установившегося во всех государствах, основанных германскими народами, мы должны ответить на два естественно возникающих вопроса: что представляли собою варвары? в каком состоянии застали они разграбленную ими империю?

Варвары были в то время частью язычниками, частью христианами арианского толка. Они были мужественны и выносливы, высоко ценили чистоту нравов и относились с величайшим уважением к женщине, отличались своим гостеприимством и необыкновенною внимательностью к своим сотрапезникам и гостям, но в то же время были невежественны и суеверны, войну и грабеж предпочитали мирным занятиям и, чувствуя природную склонность к бездействию, которая поддерживалась и самым образом их жизни, охотно возлагали все тяжелые работы на женщин, старцев, на слабых членов семьи и рабов своих. По свидетельству Тацита, пить целый день и целую ночь у германцев не считалось постыдным, а частые пиршества были



Народное собрание германцев (с колонны Марка Аврелия)

причинами не только раздоров, но и убийств. Любимейшим времяпрепровождением были: или азартная игра в кости, при чем проигрывалось не только состояние, но и личная свобода, или охота, доставлявшая материал для пищи и одежды, или воинственный танец с перепрыгиванием через мечи, воткнутые рукоятками в землю. Вот главнейшие положительные и отрицательные черты в народном характере германцев.— Главным средством к жизни было у них скотоводство, хотя они занимались и земледелием, при чем разводились исключительно хлебные растения, землей не дорожили, не заботились об её удобрении, а, истощив, покидали ее и обращались к обработке новых участков. Сами участки земли не составляли частной собственности отдельных лиц, а отводились в общее владение известной семьи или рода. Они и жили такими отдельными родами. Родственные связи были необыкновенно крепки; даже военные отряды составлялись во время войны из родичей: „вблизи их все дорогое,— говорит Тацит,— и со своего места они могут слышать и вопли своих жен, и плач своих детей". Воинственная, по преимуществу, жизнь германцев выдвигала из их среды выдающихся вождей, собиравших вокруг себя более или менее многочисленную дружину, которая была тесно связана с личностью своего вождя, „во время мира была его украшением, а во время войны — опорой". Некоторые из таких вождей становились наследственными предводителями, герцогами или королями. Главную часть каждого германского народа составляло сословие *свободных* людей, из которого выделялась лишь небольшая группа людей *знатных*. На землях свободных людей жили рабы и крепостные. Вот каковы были германцы. То было племя воинственное, неиспорченное благами житейскими, при своей грубости и даже дикости способное проявлять высокие нрав-

ственные чувства и только что переходившее от быта патриархального к быту политическому. Перед ними, детьми природы, жизнь лежала впереди.

Рим отжил свое время. Императорская власть была слаба; сперва она еще вела оборонительную войну с варварами, но потом, как бы сознавая бессилие свое, предоставила событиям совершаться своим чередом, отдалась течению, и могучее течение нанесло ее на подводный камень. Защитниками Рима были те же германцы, состоявшие у него на службе. Правителями Рима скоро сделались предводители германских отрядов. Связь между Римом и провинциями порвалась. Под страшным натиском варваров и тень единства исчезла: всякий думал только о себе и поступал согласно с собственными выгодами. Риму не было больше дела до провинций: он или отдавал их варварам, думая этим удержать их за собою на основании особых договоров, или просто покидал их на произвол судьбы, собирая все свои силы для собственной защиты. Провинциям, угнетавшимся поборами и повинностями, не было дела до Рима. результатом таких отношений и могло быть лишь расчленение Западной Римской империи; еще задолго до катастрофы, ниспровергшей империю, провинции её стремились к отделению от Рима, провозглашая своих собственных императоров; теперь же эта старая рознь должна была обостриться. Рознь не ограничивалась, впрочем, только указанным кругом: она проникала в самое общество одряхлевшего Рима. На эту рознь, на это развитие эгоизма в среде римского населения указывают следующие слова пресвитера Сальвиана, жившего и писавшего в период разрушения Западной Римской империи. „Почти все варвары, — говорит он — принадлежащие только к одному племени и управляемые одним королем, взаимно любят друг друга, а почти все римляне друг

друга преследуют. Какой гражданин у нас не ненавидит другого гражданина? Кто вполне расположен к своему соседу? Все далеки друг от друга, если не по месту своего жительства, то по своим чувствами; хотя соединяются одним и тем же жилищем, но в духовном отношении далеки друг от друга" ¹⁾). Тот же Сальвиан отмечает экономический гнет, лежавший на римском населении и совершенно не соответствовавший его силам. „Еще тяжелее то, — продолжает он, — что большинство обирается немногими, и общественные подати стали частною добычей; так поступают не только высшие, но и низшие, не только судьи, но и повинующиеся и м" ²⁾). „Бедные ограбляются, стонут вдовы, сироты угнетаются до такой степени, что многие из них, принадлежащие к известным фамилиям и хорошо образованные, бегут к неприятелям, чтобы не умереть от огорчения, вызываемого открытым преследованием; они ищут у варваров римского человеколюбия, так как не в состоянии переносить варварскую бесчеловечность у римлян... Они предпочитают вести свободную жизнь под видом плена, чем быть пленниками под внешностью свободы" ³⁾). Далее Сальвиан обращает внимание на печальное положение низшего населения Галлии, которое или бежит к врагам, или поднимает восстания, или, желая найти защиту у сильного и богатого человека, отказывается в его пользу от своей собственности и свободы, чтобы таким образом уйти от разорительных поборов. „И мы еще удивляемся, — говорит он — если вар-

¹⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. V, 4.

²⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. V, 4.

³⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. IV, 5, *quaerentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt... Malunt enim sub specie captivitatis vivere libere, quam sub specie libertatis esse captivi.*

вары берут нас в плен, тогда как сами делаем пленниками своих братьев? Нечего, следовательно, удивляться опустошением и истреблению граждан" ¹⁾). Другой римский писатель, Аммиан Марцеллин, живший перед самым началом роковых варварских вторжений, рисует в своей истории замечательно яркими красками типы представителей высшего сословия современной ему эпохи. „Хвастовство, с которым они выставляют на показ списки своих поместий в провинциях Восточной и Западной империй, при чем иногда приписываются и лишние, возбуждает негодование, особенно когда припомнишь мужество и бедность наших предков, которые не отличались от простого воина ни пищей, ни одеждой; но современная нам знать измеряет свое достоинство и важность высотой экипажа и тяжеловесным великолепием своих одежд. Длинные одежды из пурпура и шелку развеваются по ветру и дают возможность рассмотреть под ними богатую тунику, украшенную вышивками, изображающими различных животных... Сопровождаемые свитой в пятьдесят человек прислуги, их закрытые колесницы потрясают мостовую и дома, когда они катятся по улице с необыкновенною быстротою... При выходе из ванны, эти великолепные личности надевают свои перстни, драгоценные камни и знаки своего отличия; потом облакаются в дорогие хитоны, полотна которых хватило бы на 12 человек; затем следуют верхние одежды, которые льстят их самолюбию, и при всем этом они забоятся принять на себя величественную осанку" ²⁾). Глядя на иного, продолжает

¹⁾ *Sancti Salviani De gubernatione Dei*, lib. IV, 9.

²⁾ Приводим отрывки из перевода или вернее пересказа некоторых глав Аммиановой истории, помещенного в известной хрестоматии Стасюлевича. У Аммиана (в его *Rerum gestarum libri*, изд. Теубнера) соединенные здесь в одно целое места разбросаны, преимущественно в XIV, 6, 9—10 и XXVIII, 4, 17—19.

Марцеллин, ты мог бы принять его за возвращающегося после взятия Сиракуз Марка Марцелла. „Впрочем, иногда и эти герои предпринимают также смелые походы: они пускаются в свои итальянские поместья и там предаются охоте, труды и усталость от которой выпадают на долю рабов. Если случайно, особенно в жаркий полдень, они имеют храбрость переплыть на раззолоченных барках озеро Лукрин, отправляясь в свои великолепные дачи, которые окаймляют приморский берег у Пуццеолы и Гаэты, они сравнивают эти трудные предприятия с походами Цезаря или Александра. Если муха проникнет за шелковые занавески палубы, если через складки проникнет луч солнца, они оплакивают бедственность своего положения и со свойственной им аффектацией вздыхают, что не родились в странах Киммерийских... Когда они едут в деревню, за господином следует весь его дом; как в походе предводитель делает распоряжения для кавалерии и пехоты, для авангарда и арьергарда, так старейшие слуги с жезлом в руке, символом своей власти, расставляют многочисленную свиту слугителей и рабов...” Вот каким застали варвары сделавшийся их добычей Рим! Если перед варварами лежала впереди жизнь, Рим находился у края своей могилы. Не сила варварского мира была причиной падения Рима, но старческая дряхлость последнего.

Утвердившись на развалинах Рима, варвары, по удачному выражению одного русского ученого историка, зажили обломками римского быта. Они застали здесь известную администрацию, финансовую систему, известные понятия и идеи, им чуждые, известный строй жизни. Можно сказать, что побежденный ими Рим одержал над ними победу: они подпали влиянию римского быта. Но, подпав под влияние римского быта, варвары в свою очередь должны были проявить свое влияние на

этот быт, они принесли на римскую почву свои собственные учреждения, свои обычаи, свои понятия, и только из взаимодействия начал римских и германских возникли новые условия жизни. Могущественное влияние оказывала при этом на варваров христианская церковь, пережившая всеобщее разрушение и получившая особенную силу, благодаря большой впечатлительности, непосредственности и, так сказать, молодой свежести пришельцев. Исторические традиции Рима, так долго и так упорно сопротивлявшиеся христианству, рушились, а варвары были новичками в истории.

Утвердившись на развалинах Рима, варвары должны были прежде всего обеспечить свое существование. С этой целью они отнимали виллы у знатных собственников, которых так ярко изобразил в своем сочинении Аммиан Марцеллин, и делили их между собою. Пострадали при этом и другие, более богатые землевладельцы. Каждый из завоевателей получил свою часть или *алод*; здесь он уселся со своими домочадцами, здесь устроил свое хозяйство и, при помощи как приведенных с собою, так и живших здесь до завоевания рабов, обрабатывал землю, занимался скотоводством или заводил мызное хозяйство. нередко воинственный и грубый германец поселялся в роскошном дворце римского сенатора, заключавшем в себе и летние, и зимние покои, и роскошные ваннные комнаты, и великолепные галереи, украшенные яркими фресками, мраморными статуями и мозаикой. Но не следует представлять себе, что варвары отняли все земли у римских собственников; чаще всего, вероятно, они принуждали крупных собственников только делиться с ними. За свои поземельные участки, полученные по жребию, землевладельцы-варвары не несли никаких податей, никаких повинностей. Подати были обязаны нести побежденные, и только одно обязательство связывало завоева-

теля: он обязывался, по призыву своего короля, братья за оружие и становиться в ряды его дружины, но обязательство это совершенно естественно вытекало из самого положения вещей, так как завоеватели должны были стоять на стражи своих интересов и беречь свои завоевания от всяких посягательств, которые могли исходить и от покоренных жителей данной страны, и от других германских народов, зарившихся на чужое добро. Самые меньшие земельные участки получили, конечно, простые люди, большие по размеру — вожди дружин, монастыри и высшее духовенство, а самые обширные земли сделались достоянием королей. Последние присвоили себе и все обширные земли, принадлежавшие раньше императорской казне. Владельцы алодов могли распоряжаться ими по своему усмотрению, могли передавать их по наследству, длить и т. под. Население таких участков, как бывшее, так и вновь приведенное сюда новым землевладельцем, становилось в полную зависимость от него: он был его господином. Обширные королевские земли (домены) постоянно увеличивались, как вследствие часто производившихся конфискаций, так и новых завоеваний; наконец, все выморочные владения переходили в королевские руки.

Водворившись на развалинах Рима, короли стали нуждаться в том, чтобы их подданные несли военную, придворную и иного рода службы. Обладая обширными землями, они стали, вместо денежного жалованья, по недостатку денег, платить своим подданным за их службу земельными участками, поместьями, так наз. *бенефициями*. Но эти поместья не поступали в полную собственность того или другого лица, как не становились полною собственностью и древнерусские поместья, раздававшиеся служилым людям в виде жалованья за их службу. Собственно, король давал тому или другому

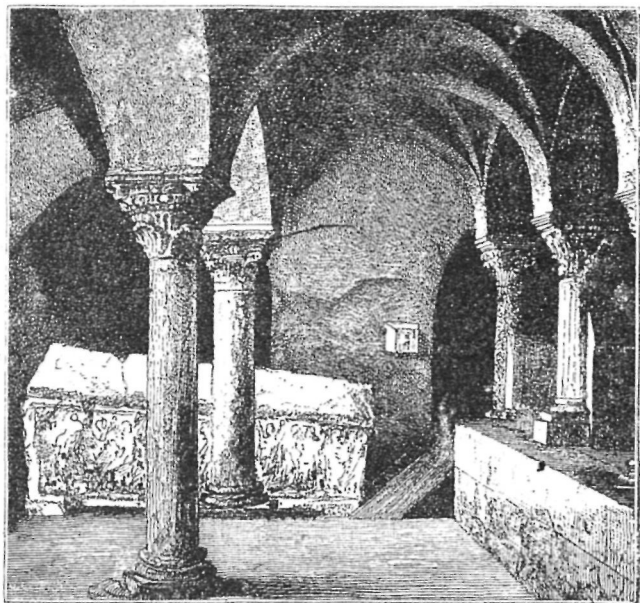
лицу лишь право пользоваться доходами с данной земли, а сама земля продолжала считаться собственностью короля и, по прошествии известного времени, снова переходила к нему. Получающий такую землю становился по отношению к королю в особенные условия и приносил ему особенную клятву в верности, непохожую на обыкновенную присягу на подданство, приносившуюся всеми свободными людьми. Клятва эта носила характер контракта, личного договора, и сохраняла силу, пока выполнялись условия этого договора: договор этот имел не государственный, а частный характер. Если умирал король, даровавший землю, договор этот должен был подтверждаться его преемником. Если умирал владелец бенефиция, король мог передать его сыну или внуку умершего, но мог и не делать этого. Лицо, получившее бенефиций, уже обязывалось нести известную службу, как обязывается нести ее в настоящее время служащий, получающий от казны известное жалованье. Таким образом человек, получивший бенефиций, уже терял в известной степени право располагать собою по своему усмотрению во всякое время, становился лицом зависимым. Наиболее крупные бенефиции получались теми лицами, которым короли поручали управлять тою или другою областью, тем или другим городом, собирать в их пределах войско и подати, начальствовать над собранными отрядами. В числе таких правителей были лица и германского, и римского происхождения. Так создавалось аристократическое сословие в пределах германских государств, основавшихся на развалинах Рима. На ряду с представителями светского сословия входили в состав новой аристократии и представители высшего духовенства. В то же время короли стали давать особенные привилегии крупным землевладельцам, сперва духовным, а потом и светским. В силу этих привилегий, называвшихся

иммунитетами, привилегированные лица освобождались от повинностей, получали право суда над людьми, живущими на их землях, а также и право собирания в свою пользу судебных пошлин. Иногда иммунитет распространялся на те земли, которые могли быть приобретены привилегированным лицом впоследствии. Привилегированное положение богатых землевладельцев привлекало к ним людей малоимущих. Такие лица нередко отказывались от своих земельных участков, которыми они пользовались на правах полной собственности, передавали их в руки крупного духовного или светского лица и получали их обратно уже в качестве бенефиция или лена: они обязывались нести данному лицу известные повинности, но получали от него защиту и покровительство. Такой обычай самоподчинения, превращение полной собственности в условную, был известен под именем *коммэндации*. Развился он до больших размеров значительно позже. Лица сильные нередко пользовались своим положением и стремились насильственно ставить под свою зависимость людей малоимущих или вообще стоящих ниже их в обществе. В этом отношении прекрасной иллюстрацией к нашим словам может служить следующий рассказ, который мы находим в летописи Григория Турского¹⁾. „Жил был (в то время) человек благородного происхождения, пресвитер Анастасий; он обладал некоторой поземельной собственностью, на основании грамот славной памяти королевы Кротехильды (Клотильды). Епископ, большей частью во время своих визитов к нему, умолял его униженно о том, чтобы он отдал ему грамоты вышеназванной королевы и поставил бы свое владение в зависимость от него, епископа. Пресвитер откладывал до другого времени испол-

¹⁾ Привожу его целиком в сделанном мною буквальном переводе, чтобы дать читателям образчик средневекового летописания.

нение желание епископа, а последний побуждал его то лестью, то угрозами и погрозился наконец выселить его из города, обесславить его, взвести на него всякие несправедливые обвинения и замучить его голодом, если он не выдаст грамот. Но пресвитер, мужественный духом, отказался выдать грамоты, говоря, что ему лучше потомиться некоторое время от голода, чем оставить в бедности свое потомство. Тогда, по приказанию епископа, он был выдан страже, которая должна была уморить его голодом в том случае, если он не согласится отдать своих грамот. В базилике св. мученика Кассия было старинное, потайное подземелье, в котором находилась большая гробница из Паросского мрамора, а в ней лежало тело какого-то престарелого человека. В этой-то гробнице, поверх мертвеца, погребают заживо пресвитера и покрывают его камнем, которым была закрыта прежде гробница. перед дверью была поставлена стража. Но стражники, уверенные в том, что крышка задавит пресвитера, разложили костер (так как дело происходило зимою) и уснули под влиянием выпитого ими теплого вина. Пресвитер же, новый Иона, взывал с молитвой к милосердию Божию из своего могильного заключения, как будто из адава чрева. Так как гробница, о чем мы уже сказали, была большая, то он, хотя и не был в состоянии поворачиваться без вреда для себя, мог все же свободно вытягивать в любую сторону свои руки. От костей мертвеца исходил смертельный запах, который не только тревожил обоняние, но, можно сказать, проникал в самые внутренности. Пресвитер не чувствовал его, пока замыкал ноздри одеждой и, насколько мог, сдерживал свое дыханье. Но, как только казалось ему, что он задыхается, как только он отстранял немножечко одежду от своего лица, то поглощал гибельный запах не только ноздрями, но даже, можно

сказать, ушами. Чего же еще больше? Когда над ним, как я уверен в этом, сжалось Божество, он протянул правую руку к крышке гробницы и нашел засов, который очутился между ним и краем гробницы, благодаря тому, что сдвинутая с места крышка не была надлежащим образом прилажена к гробнице. Двигая понемногу засов, он почувствовал, что камень,



Крипта (подземелье) с гробницами.

с Божьей помощью, сдвигался с места. Лишь только камень был отодвинут на столько, что пресвитер мог высунуть свою голову наружу, он уже свободнее сделал еще большее отверстие, из которого и вылез. Ночные тени, сокрывшие день, не рассеялись еще и в это время. Пресвитер направился к другому выходу из подземелья; этот выход был закрыт крепчайшими засовами и забит гвоздями. Однако доски, со-

ставляющие дверь, не были прилажены друг к другу настолько плотно, чтобы между ними нельзя было ничего видеть. Пресвитер склонился к этим щелям и увидел сквозь них проходившего мимо человека. Тихим голосом он зовет его. Тот услышал его и, не медля, сбил топором деревянные колья, которыми сдерживались засовы, и открыл пресвитеру выход. Пресвитер, несмотря на ночную пору, устремился к своему дому и умолял своего освободителя не рассказывать никому о происшедшем. Таким образом он вошел в свой дом и, найдя хартии, которые даровала ему упомянутая выше королева, понес их к королю Хлотахарию (Chlothacharium); он рассказал королю о том, как похоронил его заживо епископ, и как он избавился от опасности. Все пришли в ужас и говорили, что никогда ни Нерон, ни Ирод не совершали такого злодеяния, не скрывали в гробницу живого человека. В это время пришел к королю Хлотахарию епископ Каутин, но вскоре удалился в смущении, уличенный пресвитером. Пресвитер же, получив от короля предписание, вступил во владение своим имуществом, которое и оставил своим потомкам" ¹⁾). Этот необыкновенно колоритный рассказ знакомит нас не только с приемами, к которым прибегали в то время сильные люди, чтобы поставить в полную зависимость от себя людей слабых, но и вообще с тогдашними нравами.

Из всего, нами сказанного, можно сделать тот вывод, что после утверждения германцев в пределах Западной Римской империи стал развиваться новый вид землевладения *условного* (бенефициального или ленного), что в новых государствах образовалась новая аристократия, стремившаяся с одной стороны ко всяким изъятиям и привилегиям, а с другой — к

¹⁾ *S. Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum*, IV, 150—152.

подчинению себе людей низшего состояния; в то же самое время многие мелкие собственники отказывались от свободного землевладения, чтобы найти себе защиту у людей сильных и богатых. Так постепенно подготавливался материал для той системы, которая господствовала в средние века, без понимания которой нельзя со-



Карл Великий.

ставить себе верного представления о положении крестьян в средние века, и которая называется *феодализм*. Её развитие приостановилось на некоторое время, благодаря возникновению могущественной монархии, напоминавшей собою Западную Римскую империю и даже, по убеждению её творца, бывшей лишь восстановлением её.

Около трех столетий спустя после образования германских королевств в пределах Рима из среды варварских государей выдвинулся Карл Великий, первоначально бывший лишь королем франков. Его королевство поглотило большую часть других германских королевств; соединенные под могучею властью Карла, они образовали обширную монархию. Увлекаемый воспоминаниями о павшем Риме, Карл принял титул римского императора: он сплотил теснее отдельные мелкие части, отдельные народцы, ввел однообразный порядок в управлении государством, заботился о развитии суда и просвещении среди подвластных ему народов. Он крепко держал в руках своих верховную власть, уничтожая всех природных правителей на всем пространстве своей империи и поручая власть графам, которые были лишь простыми исполнителями его воли. Он наблюдал за деятельностью графов через посредство особых лиц, которым поручил объезд графств: эти лица не только следили за правильностью действий графов по отношению к местному населению, но и сдерживали в известных границах их стремление к захватам и усилению своей власти. В то же время Карл наносил последние удары коренившемуся в средней Европе язычеству. Могучая личность Карла и великие подвиги его поразили воображение не только его современников, но и отдаленных потомков. Имя его было вплетено в целую сеть поэтических легенд. Легенды эти изображают его силу, его власть, его необыкновенную справедливость, признаваемую не только людьми, но и представителями животного царства. Певец знаменитой „песни о Роланде" (*chanson de Roland*) заканчивает ее следующей художественной строфой, в которой влагает Карлу мысль о грандиозном предприятии на Восток, возникшую через два столетия слишком после смерти Карла.

Сокрылся день; чернеет тьма ночная,
И, утомлен тревогами дневными,
В своем дворце, в покое отдаленном
Сном опочил великий император.
И в самый миг полуночи безмолвной
Предстал пред ним архангел Гавриил.
И подошел к одру посланник Божий,
И, наклонясь главой над изголовьем
И спящего крылами осенив,
Сказал ему: „проснись, великий Карл!
Тебе ль почить от подвигов тяжелых,
Тебе ль искать покоя от трудов?
Восстань! Сзывай опять свои дружины
Со всех концов империи великой
И на Восток ты рать свою подвигни
И христиан от гибели спаси!
Там в Сирии, в стенах Антиохии,
Поборники святой Христовой веры
Осаждены неверными врагами,
И голодом, и жаждою томятся,
И каждый день, и каждый час и миг
Жестоких мук и смерти ожидают ¹⁾,
И день, и ночь в стенаньях молят Бога,
Чтоб Он тебя на помощь к ним подвигнул.
Восстань же, Карл, иди на помощь к братьям!
Они зовут и ждут тебя, иди!"
И залился слезами император,
Услышав весть посланника Господня;
Возвел глаза он к небу и воскликнул:
„Вся жизнь моя есть тяжкий труд и бремя!" ²⁾.

Конечной целью Карла было сплочение всего христианского запада в одно огромное целое, но достигнуть этой цели ему не удалось. Напротив того, после его смерти обнаружались все сдерживавшиеся им стремления

¹⁾ Здесь изображается один из эпизодов 1-го крестового похода, раньше которого таким образом строфа эта и не могла быть написана.

²⁾ Перевода, Б. Алмазова.

к обособлению. Прежде всего его империя распалась на три крупных части и несколько мелких. Эти три крупные части — Франция, Германия и Италия, и их разделение объясняется национальными отличиями их обитателей, уже обнаружившимися в то время. Этим разделение не ограничилось, но пошло гораздо дальше: оно проникло в глубь каждого из государств, которые выделились из монархии Карла: на развалинах Рима окончательно установилась тогда новая форма общезжития, к рассмотрению которой мы теперь и обратимся. Мы при этом будем иметь в виду только ту страну, в которой феодальная система и раньше появилась, и раньше достигла своего развития, а именно — Францию¹⁾.

Карл Великий лишь задержал дальнейшее развитие феодализма, но не уничтожил его зачатков, а, напротив того, старался привести их в систему. Преемники его во всех государствах, выделившихся из его монархии, усиленно раздавали бенефиции и жаловали иммунитеты. Усиленная раздача земель в бенефициальное владение после смерти Карла Великого объясняется теми смутами, теми междоусобными войнами, которые наступили тогда. Правители особенно нуждались в войске и раздачей бенефиций увеличивали его, привлекая под свои знамена лиц, подпавших их зависимости. Они уступали не только право пользования доходами с бенефициев, но и суда над населением их. Владельцы бенефициев были *сеньорами*, т. е. старшими по отношению к населению, живущему в их пределах, а само право их получило название *сеньората*. Они стремились удержать за собою пожалованные им земли, закрепить их за своим потомством, не возвращали их королям и сопротивлялись последним в тех слу-

¹⁾ В Германии полное развитие феодализма относится к XI—XIII вв., тогда как во Франции оно было историческим фактом в конце X века.

чаях, когда они прибегали к силе для того, чтобы принудить своих бенефициалов или ленников к повиновению. Успешно противодействуя королям, ослабившим себя широкой раздачей земель, владельцы бенефициев или феодалов, как стали они называться в это время ¹⁾, захватывали в своих землях верховные права, т. е. те права, которые принадлежали верховной власти: собирали в свою пользу подати с населения, живущего на их "земле, издавали свои законы, чеканили свою монету, составляли свое войско и т. под. Не будучи в состоянии серьезно сопротивляться стремлениям владельцев феодалов или *феодалов*, слабые короли постепенно уступали им. Таким образом король продолжал носить свой высокий титул, пользоваться внешними знаками своего достоинства, но власть его ускользала из его рук, и он становился королем только по имени. Все крупные феодалы, носящие титулы и не носящие их, соединили в своих руках власть помещиков с властью государей: государство дробилось на части. Такие же права захватывались и высшими духовными лицами. И те, и другие, сохраняя в своих руках власть над населением своих земель, обязывались нести королю военную службу. Светские владельцы феодальных земель назывались герцогами, графами, ландграфами, маркизами, баронами. Они стояли в различных отношениях как к королю, так и друг к другу. Одни из них были зависимы непосредственно от короля или, как говорят, были его вассалами, другие не подчинялись непосредственно самому королю, но какому-либо вассалу его. По примеру короля, крупные поземельные владельцы выделяли из своих владений участки земли свободным людям, желавшим по-

*) Слово *феод* встречается в первый раз в хартии Карла III Толстого в 884 году; в том же самом смысле в ней употребляется и слово *бенефиций*. Гизо. История цивилизации во Франции.

ступить к ним на службу. Они так же, как и король, окружали себя целым штатом служащих, игравший роль их телохранителей и даже составлявших основу их войска, с которым они выступали против других им подобных землевладельцев, в случае возникновения между ними каких-либо раздоров. При этом, между лицами, получавшими бенефиции от крупных землевладельцев, и самими крупными землевладельцами устанавливались те же отношения, которые существовали между королем и его вассалами. И владельцы бенефициев, полученных от крупных собственников, стремились удержать в своих руках выданные им земли, превратить их в наследственную собственность и успевали в этом. С течением времени исчезало всякое различие между алодами и бенефициальными владениями. Если, с одной стороны, бенефиции становились наследственными, то, с другой стороны, алодиальные владения теряли характер собственности, ни к чему не обязывавшей её владельцев. Постепенно бенефициальная или феодальная форма землевладения делалась господствующей. Крупные землевладельцы выдавали бенефиции уже не только из своих алодов, но и из бенефициев, полученных ими от короля ¹⁾. На встречу развитию бенефициальной или феодальной системы, шедшему сверху, от короля и высших землевладельцев, шло то же развитие снизу, благодаря общему распространению уже объясненного нами обычая коммендации (*commendatio* или *recommendatio*) ²⁾. Теперь уже коммендировались не только мелкие земле-

¹⁾ Такая передача той или другой части бенефиция в новые (третьи) руки в качестве бенефиция называлась *инфеодацией* (*infeodatio*).

²⁾ В отличие от пожалованных бенефициев (*beneficia data*) бенефиции второго рода назывались — *beneficia oblata*. — От средневековых терминов „бенефиций“ и „коммендация“ произошли современное выражение — „бенефис“ и „рекоммендация“.

владельцы крупным, но и крупные — королю; это считалось даже особенной честью. Каждое лицо, при таком порядке, непременно зависело от другого более сильного лица: свободное, безусловное землевладение окончательно заменилось условным, приносящим с собою известные обязательства. Вассальные отношения проникли собою все общество, вплелись в общественную жизнь, как цепкое растение. Города потеряли свою самостоятельность: они стали в зависимость или от светского феодала, или от епископа. По отношению к вилланам или крестьянам, живущим на его земле, феодал был полновластным господином, верховным повелителем; вилланы уже не владели землей, а только пользовались ей, вели на ней свое хозяйство, за что платили подати и несли различные натуральные повинности; они были крепостными своего феодала.

При преемниках Карла Великого графы стали стремиться к самостоятельности, не повиновались распоряжением короля и даже сопротивлялись им с оружием в руках. Они постепенно превращали в своих вассалов землевладельцев, живущих на земле, ими управляемой, не стеснялись даже тем, что некоторые из них могли быть вассалами самого короля. Свою должность они превратили в наследственное право. Подобно им поступали и другие должностные лица. Таким образом графы сделались полными господами в управляемых ими землях. Для каждого графа король был теперь только сеньором: граф приносил королю такую же присягу, какую самому графу приносили его вассалы. Взамен этого король давал ему *инвеституру* на графство, т. е. возводил его в достоинство графа и утверждал за ним все права, соединенные с ним. граф обязывался клятвою приводить свое войско на призыв короля и являться к нему, по его призыву, для совещаний или для суда. В отношении графа к

населению графства король уже не вмешивался. Он мог лишить графа его достоинства только по приговору феодального суда, который составлялся в данном случае из лиц равных графу (перов), т. е. других графов, под председательством верховного сеньора или *сюзерена* — короля. Последний оставался государем только в своих собственных владениях.

Таким образом в государствах, основанных германскими народами на почве Западной Римской империи, постепенно возникли более или менее обширные пространства земли, на которые простиралась власть крупных феодальных владельцев. В состав каждого из таких пространств входили: земли самого феодального владельца, бенефиции его вассалов и участки земли, поделенные между крепостными и друг, людьми несвободного состояния. На участках последних лежали различные повинности, оброки и барщина. Если бы на одном из таких участков поселился вполне свободный человек, он тем самым потерял бы свою свободу. Одна часть населения крупного феодального владения состояла из вассалов владельца, другая из его подданных, третья из его рабов, но все они без различия были его *людьми*.

На подобие крупных светских владений образовались и духовные. Монастыри, архиепископы, епископы, сосредоточив в своих руках огромные владения, пожертвованные в их пользу королями, призывали на эти земли и свободных, и несвободных людей, которым и выдавали участки из своих земель на различных условиях ¹⁾. Нередко такие участки не влекли за собою необходимости платить подати, а только

¹⁾ Из них наиболее обыкновенной формой был *прекарий* (*precarium*): лица, получившие его, пользовались им в продолжение известного срока или всей жизни и обязывались нести за это больший или меньший оброк, деньгами или натурой.

налагали обязательство оказывать монастырю или высшему духовному лицу известные услуги. На монастырских землях селились охотно, так как эти земли пользовались сравнительно большей безопасностью и даже обладали *правом защиты*, т. е. были вполне безопасными убежищами для преследуемых лиц; с другой стороны, эти земли освобождались, благодаря иммунитетам, от различных государственных податей. Лицо, поставившее свою земельку под защиту церкви, освобождалось от податей и повинностей, из которых самой тяжелой была военная. Люди, жившие на землях церковных, назывались церковными людьми (*homines ecclesiastici*). Число церковных людей увеличивалось также, благодаря застрашиванию и насилиям, чинимым духовными особами, подобными вышеизображенному епископу Каутину.

Так возникла целая лестница или, как говорят обыкновенно, целая иерархия землевладельцев, занимавших различное общественное положение, обладавших разнообразными правами. Во главе феодальной иерархии стоял король. Непосредственными его вассалами были герцоги, маркграфы, большая часть графов, некоторые виконты и некоторые простые бароны. Виконты (прежние областные правители) и простые сеньоры были вассалами герцогов, маркграфов и графов. Наконец виконты и простые сеньоры имели своими вассалами мелких собственников. На ряду с высшими светскими стояли и высшие духовные лица.

Что касается низшего земледельческого класса в той же стране, его положение менялось в различные эпохи, но ни в одну из них это население не представляло однородной массы. Законодательство Римской империи смотрело на земледельца, как на рабочее орудие, как на вещь. Раб представлял собою живой капитал, но не личность; государство не знало его вовсе, а

предоставляло в полное распоряжение владельца. Но уже и тогда существовали земледельцы, пользовавшиеся известными правами, считавшие уже личностями, несшие военную повинность, платившие подати, но зато пользовавшиеся немаловажным правом быть продаваемыми лишь вместе с землею. Наконец, на ряду с полными рабами и людьми, пользовавшимися ограниченной свободой, всегда жили в деревнях и совершенно свободные личности, хотя они и представляли ничтожное меньшинство. Уже в последний период императорского Рима правительство обратило внимание на положение рабов. Так напр., император Константин Великий уравнивал по значению убиение раба с убиением свободного человека. Улучшению положения рабов содействовала христианская церковь. Вот в каких пламенных выражениях высказывается за сельское население самый видный из её представителей, Св. Иоанн Златоуст: „сельские жители осуждены на подавляющее бремя, как ослы и мулы. Что я говорю? Их тела щадят менее, чем камни, им не дают отдыха. — плодородны поля или нет, их одинаково заваливают работой. Можно ли представить еще большее бедствие, чем то, которое испытывают они, когда в конце зимы, после обременительной работы, изнуренные от холода, от дождя, от ночного бдения, они возвращаются домой с пустыми руками и, в довершение всего, остаются должниками? Они дрожат перед наказаниями и притеснениями, которые готовятся их надсмотрщиками" ¹⁾). Но еще заметнее стало улучшаться положение низшего земледельческого класса в последующее время, и именно к этому-то

¹⁾ В то же время Св. Иоанн Златоуст указывает и на светлые стороны сельской жизни: земледелие — райское занятие, городские развлечения и позорные зрелища чужды поселянам, они наслаждаются красотами природы, у них — отличный воздух.

времени, ко времени правление Меровингов и Каролингов, и относится факт возникновение целого ряда сельских общин, деревень, населенных лицами, обладающими в массе известными правами. Одни из них были обязаны своим возникновением какому-либо собственнику-варвару, вокруг которого группировались лица, владевшие собственностью из его рук. Такие же поселения возникали вокруг городов, замков, церквей или монастырей. Особенно многим обязана деревня бенедиктинским монахам ¹⁾. С развитием феодализма положение сельского населения ухудшилось, так как полная беззащитность ставила его в подчиненное положение и побуждала его принимать самые тяжелые условия, лишь бы сохранить жизнь свою и своего семейства. Набеги норманнов, арабов, венгров, хищнические набеги феодалов постоянно грозили его существованию. Но зато тот же феодализм решительно превратил рабов-земледельцев в крепостных, что было шагом к полному освобождению. Он признал за ними право наследственности, наделил их землей под условием несения известных повинностей и создал из них низшую ступень той феодальной иерархии, о которой мы говорили выше. Правда, все это было куплено ценой тяжелых, а нередко и возмутительных повинностей ²⁾, но все же и такое положение сельского население имело одну весьма выгодную сторону: феодальной эпохе не был известен пролетариат, так как крестьяне были наделены землей; но,

¹⁾ См. нашу книгу „Средневековый монастырь и его обитатели“.

²⁾ Когда люксейский аббат приезжал в принадлежавшую ему деревню Montureux в Лотарингии, крестьяне должны были ночью бить палками по прудам, чтобы кваканье лягушек не беспокоило аббата, и пели:

râ, râ, renotte, râ!
veci m-g l'abbé que Dieu gâ!

(Смирно, смирно, лягушенки, смирно! Да хранить Господь господина аббата!).

по-прежнему, сельское население не составляло однородной массы, и различные группы его владели землей на различных условиях. Сначала условия эти вырабатывались обычаем и хранились преданием, но с конца XI в. они стали записываться в особые хартии или грамоты и таким образом получили более определенный характер и более прочное основание. Только с XIII в. начинается процесс освобождения крестьян, переходящих в состояние вилланов, и завершается окончательно уже за пределами средневекового периода.

Вот — главные моменты из внутренней истории германских народностей, основавших свои государства на развалинах Рима.

Рабочий день в деревне.

На отлогости зеленеющей лесами горы стоит величественный замок феодального владельца. Резко выделяются на темно-зеленом фоне его зубчатые стены, его главная башня с развевающимся по ветру флагом. На подъемном мосту беседуют несколько оруженосцев; их металлические шлемы ярко блестят под лучами утреннего солнца, обильно проливающимися с голубого, безоблачного неба¹⁾.

У самого подножия горы приютилась одна из деревень, принадлежащих обитателю замка. Беспорядочной, тесной толпой раскинулись хижины и хозяйственные постройки земледельцев с гонтовыми либо соломенными кровлями. Большею частью эти постройки невелики и сильно пострадали от времени и непогод. У каждой семьи — жилище, сарай для складывания сена и житница для зерна; часть жилища отведена для скотины. Все это

¹⁾ Описание замка см. в нашей книжке „Средневековый замок и его обитатели“.

ограждено плетнем, но таким жалким и тщедушным, что, при виде его, как-то невольно поражаешься тою резкой противоположностью, которую представляют жилище господина и жилища его людей. Кажется, достаточно пронестись несколькими сильным порывам ветра, и все будет снесено и разбросано. Владельцы деревень



Средневековая деревня (со старинной гравюры).

запрещали их обитателям окапывать свои жилища рвами и окружать их частоколами, как будто для того, чтобы еще более подчеркнуть этим их беспомощность и беззащитность. Но запрещения эти ложились всею тяжестью только на самых недостаточных: как только удавалось зажиточному крестьянину получить некоторые льготы от своего владельца, он уже становился в лучшие условия. Вот почему среди низеньких, запущенных хижин попадаются прочные и лучше по-

строенные домики, с просторными дворами, крепкими оградами, тяжелыми засовами.

Деревья окаймляют деревенскую дорогу; собираясь в купы перед некоторыми из хижин, они скрывают их нищету от постороннего глаза; стеснившись В большую живописную толпу вокруг расположенной в полуверсте приходской церкви, они совсем почти закрыли ее; своей тенью они осенили то место, где

...праотцы села, в гробах уединенных
На веки затворясь, сном непробудным спят.

Его окружает ограда из неотесанных, наваленных друг на друга камней.

И на припеке солнышка, и в прохладной тени резвятся беспечные ребята. Их веселый смех, щебетанье вечно беззаботных птиц, кудахтанье кур, протяжное пенье изредка перекликающихся петухов, вот и все, что нарушает утреннюю тишину деревни. Там внизу, за цветущим косогором, бежит быстрая, шумливая речка, но её непрерывающийся говор не долетает сюда. Заметно пахнет дымом, который поднимается над многими кровлями, а кое-где выходит и прямо из низкой, почерневшей от него двери.

Если мы проникнем в одно из жилищ, прежде всего нам бросится в глаза высокий камин. На его полу стоит железный треножник, на котором пылает огонь, а над огнем висит котел на железной цепи, прикрепленной к большому, железному же крюку. Дым уносится в отверстие, находящееся наверху, но немалая доля его попадает в самую горницу. Тут же рядом — хлебная печь, около которой возится пожилая хозяйка. Стол, скамьи, ларь с сосудами для приготовления сыра, большая постель, на которой спят не только хозяева с детьми, но и случайный Богом посланный гость, забредший под кров крестьянской

хижины, — вот все убранство, вся обстановка жилья. Кроме того, у стен стоят корзины, кувшины, корыто; тут прислонилась к стене лестница; там висят рыболовные сети, большие ножницы, такой же нож, как будто отдыхая от своей работы; у двери приютилась метла с буравами. В большинстве случаев пол земляной, выложенный камнем, только кое-где уже деревянный.

Хлебная печь, которую мы только что упомянули, — предмет достойный особенного внимания, не по внешнему виду, конечно, потому что в этом отношении ничего особенного не представляет, но по тому большому и притом исключительному значению, которое она имела в жизни средневекового крестьянина. Дело в том, что крестьянин не всегда мог иметь ее в своем жилище. В числе различных прав землевладельца (*banalites*) бывало и такое, в



Печенье хлебов. (Старинная миниатюра).

силу которого он запрещал крестьянину печь хлеб у себя дома, а требовал, чтобы хозяйки пекли хлеб в его пекарне (*foug banal*), с уплатой за это особой пошлины; эти пошлины достигали подчас больших размеров. Точно также существовало помещичье право, заставлявшее крестьянина молоть свой хлеб на мельнице своего господина (*moulin banal*). Оба упомянутые права имели во Франции самое широкое распространение. В пору полного развития феодального гнета крестьяне во многих местах обязаны были подковывать своих лошадей на кузнице своего господина, приобретать солод из его складов, не продавать своего вина

в течение известного срока, когда продавалось исключительно вино их господина.

Куда же девались хозяева этих жилищ? Едва зарделась заря, как раздалась в чистом утреннем воздухе протяжная песнь пастушеской свирели. Замычали коровы, захлопал бич, а за животными ушло из деревни и все способное к работе население её. Обитатели деревни ушли или в свои поля, или в свои виноградники, расположенные за рекою, по её отлогому берегу. Только некоторые из них отправились для работы на своего господина, заранее назначенных им на сегодняшней день.

Теперь они — собственники своих земельных участков, сделавшихся наследственными. Удержав ленные участки в своих руках, сделав их безвозвратными, наследственными, феодальные землевладельцы признали и за своими крестьянами право передавать землю по наследству. Такое обладание землей, конечно, обеспечивало крестьян, давало им хотя нелегко добываемый, но все же верный кусок хлеба. На возникновение класса крестьян-собственников влияла, конечно, не одна феодальная система: нельзя сказать, чтобы это возникновение было только отражением установившейся наследственности ленов. Действовали тут и другие причины: и разорительное вторжение норманнов, и физические бедствия всякого рода и всякого же рода притеснение вызвали очень печальное явление — обезлюдение Франции. Тогда землевладельцы стали переманивать крестьян на свои земли и привлекали их к себе именно дарованием права передавать получаемые от них земли своим детям. Но мы видели, что обладание землею в те века влекло за собою обязательство службы, повинности, ставило получившего землю в зависимость от даровавшего ее. И здесь было то же самое, но условия, на которых крестьяне наделялись

наследственными участками, были весьма разнообразны. И тут *частное* брало верх над *общественным* в чем и заключается одно из главных отличий феодального порядка: все зависело от частного договора, заключенного между крестьянином и его господином. До обладания наследственными участками крестьянин



Сеньор и виланы (с миниатюры XV в.).

приравнялся к вещи, теперь же, если он и не представлял собою личности, в смысле свободно располагающего собою человека, но был уже чем-то средним между вещью и личностью. Теперь крестьянин, можно сказать, сросся со своею землею, составил как бы одно целое с нею. Если владелец его

сохранил старое право продавать своих крестьян, то продавал уже не иначе, как с землею. Благодаря этому, крестьяне не были выброшены за пределы развивавшегося феодального общества, но также нашли и свое место в его окружности: они составили низший пласт в тех общественных наслоениях, которые образовали, возвышаясь друг над другом, различные феодальные владельцы.

Из сказанного нами можно легко понять, почему население феодальной деревни далеко не всегда представляло общество людей, равных друг другу, а — напротив того — большей частью в состав его входили лица, находившиеся в различных условиях жизни. Одно лицо находилось в большей зависимости от своего господина, другое — в меньшей. На низшей ступени крестьянского сословия стояли так называемые *сервы*, т. е. рабы. Они находились в полной зависимости от своего господина, представляли самое бесправное население. Единственное отличие их от античных рабов заключалось в том, что и сервы владели небольшими земельными наделами, переходившими, с согласия помещика, от отца к сыну. Выше них стояли *крепостные* (*mainmortables*), обязанные платить определенную подать за землю, нести уже определенные повинности: последние определялись или договором, или просто обычаем. На высшей ступени стояли *вилланы*. Они были уже похожи скорее на арендаторов, чем на крестьян: пользовались лично свободой и даже подлежали суду не ближайшего своего господина, а лица, стоявшего над ним, его сюзерена. И они платили своему сеньору известные подати. Но подразделения эти на столько не выдавались для постороннего глаза, что все население феодальной деревни называлось долго одним общим именем — сервов. Настолько, следовательно, превышала все эти различия власть феодала: по-

следний, пользуясь долгое время полной безнаказанностью, клал свою тяжелую руку на всех без различия. Таким образом, всё население средневековой деревни зависело от замка или от монастыря, бывшего



Средневековый крестьянин (со старинной миниатюры).

также замком своего рода: без замка невозможно себе и представить ее.

Но обратимся к нашей деревне. Чувствуется близость полудня. Вернулись с поля стада землевладельца и его крестьян. Нарушился опять покой деревни, под-

нялась пыль, выбежали хозяйки, чтобы загнать своих животных; усердно помогают им в этом ребята. За стадами возвращаются со своих работ и деревенские хозяева: вот идут они в своих запачканных рубашках, с шапками из шерстяной материи на головах, в грубых толстых башмаках, с земледельческими орудиями в руках и на плечах, загорелые, бородатые, облитые потом. В костюмах их преобладают темные цвета. Медленно расходятся они по своим помещениям, где к их приходу заготовлен уже полдник; дымится на столе суп, а на вторую смену ожидают их овощи да какая-нибудь каша или мучное блюдо. После полдника наступает полное затишье,— крестьяне отдыхают.

Вместе с крестьянами, отбывавшими работу на господина, вернулись и лица, которые надсматривали за ними. Каждый из крестьян посвящал на работу для своего господина несколько дней в году. Они копали рвы, клали гати, чинили дороги, делали необходимый исправление в самом замке, наконец — обрабатывали поля своего господина. Во время этих занятий работники кормились на свой собственный счет. Кроме отправления известных барщинных повинностей крестьяне обязывались нести различные подати. Так, они платили подушную подать, при чем с мужчины взималось в восемь раз больше, чем с женщины, на Рождество с каждого дома или, что то же самое, с каждого *дыма*, платилась так называемая подымная подать; кроме того, бралась подать и с земли. Платили нередко деньгами, а чаще всего натурой, т. е. домашними животными, в случае их размножения, и произведениями, получаемыми с земли, иногда в размере половины жатвы. Самой тяжелой была военная повинность, так как она порою надолго отрывала крестьянина от земли. Кроме определенных, сделавшихся

обычными повинностей, крестьяне несли и чрезвычайный, в следующих четырех случаях (*taille aux quatre cas*): они должны были складываться, чтобы выкупать из плена своего господина, а это случалось нередко в те воинственные времена; они же помогали господину своими средствами, когда он отправлялся к Св. местам; они несли на себе часть расходов, вызывавшихся посвящением старшего сына господина в рыцари и, наконец, выходом старшей его дочери замуж. Во всех этих случаях размеры повинности определялись самим феодальным землевладельцем, что, разумеется, давало полный простор произволу. В довершение всего, крестьянин получал за произведение своего труда весьма немного. Бывали такие случаи, что помещик покупал эти произведения сам, назначая при этом цену за них по своему усмотрению. Бывало и так, что забирались произведения крестьянского труда не за наличную плату, а в долг. Помещик пользовался правом производить те или другие закупки раньше своих крестьян, предоставляя таким образом им только остатки. Все это делало жизнь средневекового крестьянина весьма тяжелою.

Это тяжелое положение низшей братии могло вызывать сострадание и сочувствие к ней в душах чистых и добродетельных. Сохранились чудесные сказания, свидетельствующие об этом. Эти сказание — не поэтический вымысел, а скорее — опоэтизированное отражение действительности. В этом отношении заслуживают особенного внимания широко распространенные в средние века сказание о Св. Елизавете, ландграфине Тюрингенской, жившей в том же XIII веке, к которому приурочивается наш настоящий очерк. Св. Елизавета находила величайшее утешение в благотворении бедным, жившим на землях её мужа. Она делилась с ними всем, что только имела, и терпела ради них

лишение. Часто спускалась она с высот, поросших лесом, где был расположен её замок, в долину и щедро благотворила здесь. Однажды она раздала все деньги, которые имела при себе, но сердце её болезненно сжалось при виде бедняка, оставшегося без милостыни. Тогда она отдала ему свою дорогую перчатку. Один из сопровождавших ее рыцарей — продолжает сказание — купил у бедняка эту перчатку, прикрепил ее к своему шлему и никогда не расставался с нею. Он стал с той поры необыкновенно счастливым человеком: побеждал своих противников на всех турнирах, а в крестовом походе приобрел себе громкую славу. Умирая, он объявил, что все свое счастье приписывает тому предмету, который принадлежал когда-то Св. Елизавете. Но святая ландграфиня не довольствовалась раздачей денег; она посещала самые бедные, самые грязные хижины и, как светлый ангел, облегчала тяжелую долю беднейших поселян: она их утешала, платила их долги, снабжала их одеждами, крестила их детей, хоронила их покойников. Она любила творить милостыню втайне и нередко украдкой спускалась с замковых высот, избегая всяких встреч. Раз она спускалась по крутой тропинке, в сопровождении одной из своих любимых девушек. Она несла с собою корзину с хлебом, мясом и яйцами, чтобы разделить их между своими бедняками. И вдруг перед нею совершенно неожиданно предстал её муж, возвращавшийся с охоты. Он пожелал посмотреть, какую тяжесть несет она, и с этой целью приоткрыл плащ, покрывавший корзину, которую она крепко прижала к своей груди, не желая, чтобы кто-нибудь узнал о задуманном ей добром деле, кроме её обычной спутницы. Но силы небесные были невидимо с нею. Сняв покрывавший корзину плащ, ландграф увидел в ней дивные,

необыкновенные, никогда им дотоле невиданные, красные и белые розы. Это тем более изумило его, что все розы давно уже отцвели. И вдруг над головой Св. Елизаветы появилось сияние в виде креста. Ландграф предоставил Св. Елизавете продолжать свой путь, а сам, пораженный и задумчивый, начал медленно взбираться на крутизны Вартбурга. Потом на месте встречи с Елизаветой он приказал воздвигнуть колонну, увенчанную изображением креста. Эти дивные сказания о Тюрингенской ландграфине свиде-



Работа в винограднике и выжимка виноградного сока (со стар. миниатюр).

тельствуют о том, как высоко ценилась добродетель и в те тяжелые, те смутные времена. Эти легенды потому и могли сложиться, что сама жизнь, хотя и редко, представляла такие примеры самоотверженной, горячей любви к низшей братии. Эта любовь облегчала тяжелое положение бедняка, а где её не было, это положение становилось еще тяжелее.

Однообразно протекал рабочий день в Средневековой деревне, как однообразно протекает он в деревне современной нам. Вот пролетели часы полуденного отдыха. Опять потянулись в поле стада, опять

отправились крестьяне на полевые работы. Работы эти продолжатся до самого солнечного заката.

Солнце закатилось; возвращаются стада и обитатели деревни. Ниспадают сумерки. Над хижинами вьется дымок, зажигаются огни, хлопочут хозяйки около нетерпеливо мычащих коров... На поле ложится туман, из-за леса выплывает золотой месяц, обливая все своим фантастическим светом. Деревня уснула. Но вот, в стороне замка раздаются крики, слышится шум, топот коней, лай собак. На подъемный мост, только что прогремевший своими цепями, выбегают замковые слуги; в руках их огни. Эти огни зашевелились, замелькали вскоре по тропинкам, по дороге, ведущей на верх. То владелец замка возвращается с охоты, усталый, но все же веселый: охота была хороша. Скоро и в замке воцарилась тишина: прогремели цепи, прозвучала протяжно в ночном воздухе труба с высокой башни. По стенам замка совершают обход, идут в последний раз дозором оруженосцы, то пропадая в тени, то выступая на свет месяца, высоко поднявшегося в небе, играющего лучами на их шлемах, перебросившего серебряную полосу через реку, закинувшего лучи свои сквозь густые ветви кладбищенских деревьев на чью-нибудь забытую могилу и проливающего в изобилии свой мягкий фосфорический свет на уснувшую деревню.

Воскресенье в деревне.

. . . Тронулось утро; во тьму и молчанье
 Что-то живое проникло; стало свежее, и звезды
 Начали тускнеть... петух закричал. Воскресенье тихонько
 Подняло занавес спящего солнца, тихонько шепнуло:
 „Солнышко, встань!“... И разом подернулся бледной струей
 Темный восток; началось там движенье, и следом за яркой
 Утренней звездочкой, рой облаков прилетел и усыпал
 Небо, и луч за лучом полились, облака зажигая...
 Вдруг между ними, как радостный ангел, солнце явилось.
 Вся деревня проснулась и видит: стоит Воскресенье
 В свежем венке из цветов и, сияя на солнце,
 „Доброе утро!“ всем говорить. И торжественно тихий
 Праздник приходит на смену заботливо-трудной недели ¹⁾...

Церковный колокол призывает к молитве обитателей деревни. Церковь светла и чиста: за чистотой в ней смотрят сами крестьяне, так как они должны исполнять в ней различные обязанности. Она представляет резкий контраст с хижинкой бедняка: в ней много света и воздуха, сюда приходят, наряжаясь в лучшие одежды. Сходятся и съезжаются сюда также обитатели других окрестных деревень, не имеющих своих собственных церквей. У церковной ограды останавливаются различные повозки, в которых приехали отдаленные богомольцы.

Церковная служба сопровождалась проповедью. Начиналась последняя латинским текстом, за ним следовало обращение к слушателям, потом повествование, подходящее к данному дню, увещание и заключительное обращение к присутствующим. Вот несколько отрывков из средневековых проповедей.
 „Возлюбленные! не гневайтесь, если проповедь будет

¹⁾ Жуковский. Воскресное утро в деревне.

несколько длинна. Если бы между нами жил чужеземец, прибывший из далекой стороны, и встретил бы здесь знакомого соотечественника своего, то он, конечно, с жадностью и без всякого раздражения выслушал бы то, что ему мог бы рассказать такой человек об его родине и об его друзьях. Вы же здесь все — на чужбине и должны поэтому благоговейно выслушать то, что будет рассказано вам о вашем Отце и Матери — Церкви и ваших согражданах — ангелах и святых. Но, так как вы сегодня устали, а некоторые озябли (проповедь говорилась зимою, в день Рождества Христова), то я намерен вкратце рассказать вам о том, как пришел в мир Господь, чтобы избавить человечество от власти сатаны". „Братья мои! — читаем мы в другой проповеди — можно было бы многое сказать по поводу настоящего святого дня, о чем я хочу, однако, умолчать, чтобы некоторые из вас не вышли из церкви в раздражении до окончания церковной службы. Ибо многие пришли издалека и должны сделать большой обратный путь, иных ожидают дома гости или плачущие дети, или у них есть другие дела, или они слабы, болезненны, плохо одеты; поэтому, я хочу прибавить к сказанному мною лишь немного". Иногда вся проповедь заключала в себе простой рассказ, легенду, библейскую историю. Бралась примеры и из языческих писателей. Поэтому мы читаем в одном сборнике проповедей следующие слова: „Так как мы сегодня, возлюбленные, прекратили радостное пение и обратились к печальному (проповедь произносилась в одно из воскресений, предшествующих великому посту), я хочу вам рассказать вкратце историю из языческих книг, которая научит вас, как вы должны избегать мелодии мирских увеселений, с тем чтобы иметь возможность петь вместе с ангелами сладкогласную мелодию на небе. Кто найдет алмаз

даже в грязи, должен поднять его и поместить в королевском уборе; так и нам полезно отыскивать все полезное, что можно найти в языческих книгах, и обращать найденное на созидание Церкви, Христовой невесты¹⁾). После этих слов проповедник рассказал эпизод об Одиссее и сиренах; под последними — по его словам — следует разуместь любостяжание, высокомерие и сластолюбие. Они могут погубить людей, как сирены могли погубить спутников Одиссея. Так напр., высокомерие — продолжает проповедь — говорит одному: „ты молод и благороден, ты должен приобрести себе славу храброго рыцаря, лишь не щади своих врагов, убивай всякого, кого можешь“; оно же говорит другому: „ты должен совершить путешествие в Иерусалим и раздавать побольше милостыни, тогда тебе будет оказываться почет, и сочтут тебя за благочестивого человека“; то же высокомерие говорит монаху: „ты должен побольше поститься, молиться и громко петь, тогда все прославят тебя, как святого“. Под Одиссеем — говорит проповедь — разумеется истинный христианин, который, переплывая на корабле Церкви житейское море, привязывает себя к мачте, т. е. ко кресту Христову“ и т. д. Вообще к аллегории прибегали проповедники очень часто. Так, в другой проповеди рассказывается о том, как один из св. отцов вышел раз погулять и встретил в лесу негра, который рубил дрова, вязал их в вязанки и старался поднять их с земли. Одна вязанка была тяжела, но негр связал с ней еще вторую и, благодаря этому, уже совершенно не мог нести их. Далее св. отец увидел второго человека, который черпал воду кувшином, не имеющим дна, так что зачерпываемая вода вытекала из кувшина. Наконец

¹⁾ Сравни в „Средневековом монастыре“.

он заметил двух людей, которые несли перед собою деревянный брус, один поддерживал его с одной, другой — с другой стороны. Неся свой брус таким образом, они хотели войти в городские ворота. Но, так как ни один из них не хотел уступить дороги другому, то оба они остались за городскими воротами. Негр — это человек, который набрасывает одни грехи на другие и вместо того, чтобы каяться в старых грехах, делает новые до тех пор, пока не падает под их бременем, в полном отчаянии. Под вторым человеком, черпающим воду продырленным кувшином, следует разуместь того, кто хочет приобрести заслуги перед Господом своей милостыней и добрыми делами, но в то же время теряет их снова из-за грехов и пороков. Двум лицам, несшим большой брус, уподобляются те, которые несут на себе тяжкое иго высокомерия, а потому не могут войти в небесный Иерусалим. Очень интересно и характерно содержание одной Средневековой проповеди, произносившейся в день памяти всех святых (т. е. 1 ноября). „Так как — говорит она — мы праздновали сегодня день во славу и в честь всех святых Божиих, то мы должны его праздновать в помощь и утешение всем в Бога верующим душам усопших. Они пришли к концу того пути, по которому все мы должны пройти; они дошли до гостиницы, и мы не можем знать, в каком положении находятся дела их. Мы все должны пойти туда, но никто из них не может вернуться обратно к нам. Что мы представляем теперь собою, и они были тем же когда-то. Что он теперь, тем должны мы сделаться, такова воля Господня. Теперь он ожидают ежедневно, и особенно в сегодняшний день, вашей помощи. Если вы думали о душах своих предков не так, как они того заслуживали, сегодня вы должны искупить

это упущение вашей милостыней, вашей жертвой, вашей молитвы. Сегодня многие тысячи душ будут освобождены из ада общими молитвами всех христиан; вот почему они в продолжение целого года питают надежду на настоящий день. Сегодня и седьмой, и тридцатый, и годово́й день для душ ваших предков: они ждали вашей помощи, как пленник ждет в мрачной темнице, чтобы его друзья освободили его оттуда. они простирают к вам из ада руки, как человек, который утопает в водной глубине. Я — их посол и напоминаю вам всю ту верность, которую они показывали к вам при жизни, чтобы вы помогли сегодня им своею милостыней. Сегодня заупокойная обедня, или Отче наш, или ломтик хлеба принесет им больше пользы, чем тысячи монет во время их жизни. Если вы будете сегодня верны им и поможете им, они будут ходатайствовать за вас пред Господом в день Страшного Суда. Если вы забудете сегодня о тех, кто оставил вам наследство, с тем чтобы вы вспоминали о душах их, то вы заслужите таким отношением того, что и ваши потомки забудут впоследствии о вас... Молите Бога, чтобы Он сегодня, ради Матери Своей, освободил их от страданий и привел их в то место, где они могли бы ждать дня Судного в радости и благодати. Поэтому, споемте вместе „Восхвалим Сына Божия“.

Мы остановились подробнее на этом вопросе по той причине, что церковь вообще, а в частности — в жизни средневекового крестьянина, имела огромное и благотворное значение. Здесь, под сводами храма, сравнивались все отличия, существовавшие между обитателями деревни. Здесь обращались к нему, как к человеку, имеющему известные права. Здесь поддерживали в его сердце надежду на светлое будущее. При обязательности посещения церкви в воскресные и праздничные дни,

влияние церкви становилось еще более ощутительным. Она имела, при таких условиях, и великое воспитательное значение: отсюда выносил крестьянин нравственные назидания, которыми мог пользоваться в своей жизни. Конечно, личность духовного лица имела при этом особенное значение. Если высокое место духовного наставника занимало лицо недостойное, лицо неподготовленное к правильному исполнению своих обязанностей, оно лишалось всякого влияния в подведомственной ему среде, и в церкви, при таких условиях, крестьянин не находил утешения, не выходил из под её сводов с облегченным сердцем, со светлым взглядом на все окружающее, с готовностью любить и прощать.

Когда кончалась месса, все разъезжались и расходились по домам. Здесь они принимались за полдник, а за ним следовал неизбежный отдых: только ребята, по-прежнему, составляли исключение; число их увеличивалось в воскресный день еще теми, которые в будни уже отправлялись на полевые работы вместе со взрослыми.

По окончании отдыха все население высыпало на улицу, на свежий воздух. Здесь они рассаживались на скамеечках, под развесистыми деревьями, толковали о своих делах, смеялись над прохожими, сплетничали, но, конечно, втихомолку, про своих господ. Погода, размер предстоящего урожая, срок того или другого платежа, все это представляло не мало материала для более или менее серьезных разговоров. Конечно, разговоры эти отличались часто далеко не радостным характером. Собеседники жаловались на свои обстоятельства, ворчали на свою судьбу. человеку, не понимающему, какие причины вызывали такое настроение, казался странным нерадостный, жалобный тон крестьянских бесед. „Кто сотворил крестьян, — говорит по этому поводу один трубадур — сотворил волков; все им

не нравится, все наводит на них тоску; крестьяне не любят хорошей погоды, не любят дождя, они не терпят и Самого Господа, если Он не исполняет их желаний. Бог ненавидит крестьян и крестьянок, вот почему Он обременил их всякими тяжестями" ¹⁾). Таким образом, сам указывая на недовольство крестьян и на тяжести, их обременяющие, автор приведенного отрывка не понимал, что между тем и другим фактом была тесная связь.

Кроме разговоров, и серьезных, и веселых, развлекались различными играми: играли в кости и кегли, несмотря на то, что первая игра запрещалась не раз в продолжение одного только XIII века. Большую роль в деревенских развлечениях играла борьба, состязание в ловкости и силе. Была в ходу и следующая игра. Двум лицам, участвовавшими в ней, завязывали глаза. Каждый из них вооружался палкой. На избранном заранее месте вкапывался в землю столб; к столбу привязывали две веревки: один из играющих брался за конец одной веревки, другой за конец второй. По данному знаку они начинали бегать вокруг столба, не выпуская из своей руки конца веревки, а другую рукою размахивая палками, чтобы задеть ими какое-нибудь неповоротливое домашнее животное, насильственно привлекаемое к игре; животное старалось всячески ускользнуть от них, а играющие очень усердно хлопали палками друг друга, что вызывало в неприхотливых и грубых зрителях неопиcуемый восторг,

¹⁾ Qui fist vilains si fist les lous...

Tout li desplet, tout li anuie;
Vilains het bel, vilains het pluie;
Vilains het Dieu quant il ne fait
Quan-qu'il commande par souhait.
Diex het vilains, Diex het vilaines;
Por ce fist-il toutes les paines
Passer parmi outre lor mains.

выражавшийся в громком хохоте и всяких восклицаниях поощрительного свойства. Развлекались еще следующим образом. Устраивали из дерева манекен (*la quintaine*), грубое подобие человеческой фигуры, и втыкали его в землю, а потом метали в него стрелы. Это было одним из любимых занятий и нередко устраивалось на замковой площади, чтобы позабавить господ. В иных местах игра эта была даже чем-то в роде феодальной повинности. Развлекались петушиными боями, для чего предварительно натирали бойцов чесноком; чеснок ел им глаза, и бойцы с яростью набрасывались друг на друга; развязка этой забавы была кровавая и доставляла зрителям также огромное удовольствие. Устраивались бега, при чем участвующие в них должны были залезать в мешок; мешок завязывался или у бедер, или вокруг шеи; находясь в таком заключении, состязавшийся должен был добежать до условленного места, при чем большей частью, конечно, падал, барахтался в мешке и тем возбуждал громогласный хохот. Была в ходу и такая игра. Ставили два высоких ящика: в один насыпали сажу, а в другой муки; состязующиеся должны были вскарабкаться на верх, до особой доски, но последняя, при малейшей неловкости, очень легко перевертывалась, при чем добравшийся до неё падал в ящик; случалось так, что один вылезал из ящика весь черный, а другой — напротив — весь белый. Зрителями последних двух забав бывали и господа.

Настоящим праздником для обитателей деревни был приход в замок жонглеров-скоморохов, музыкантов и певцов. Они останавливались проходом и в деревне и показывали здесь свое искусство: удерживали на себе в равновесии какой-нибудь предмет, представлявший для этого большие затруднения (напр. меч, колесо), танцевали с мечами под звуки волынки,

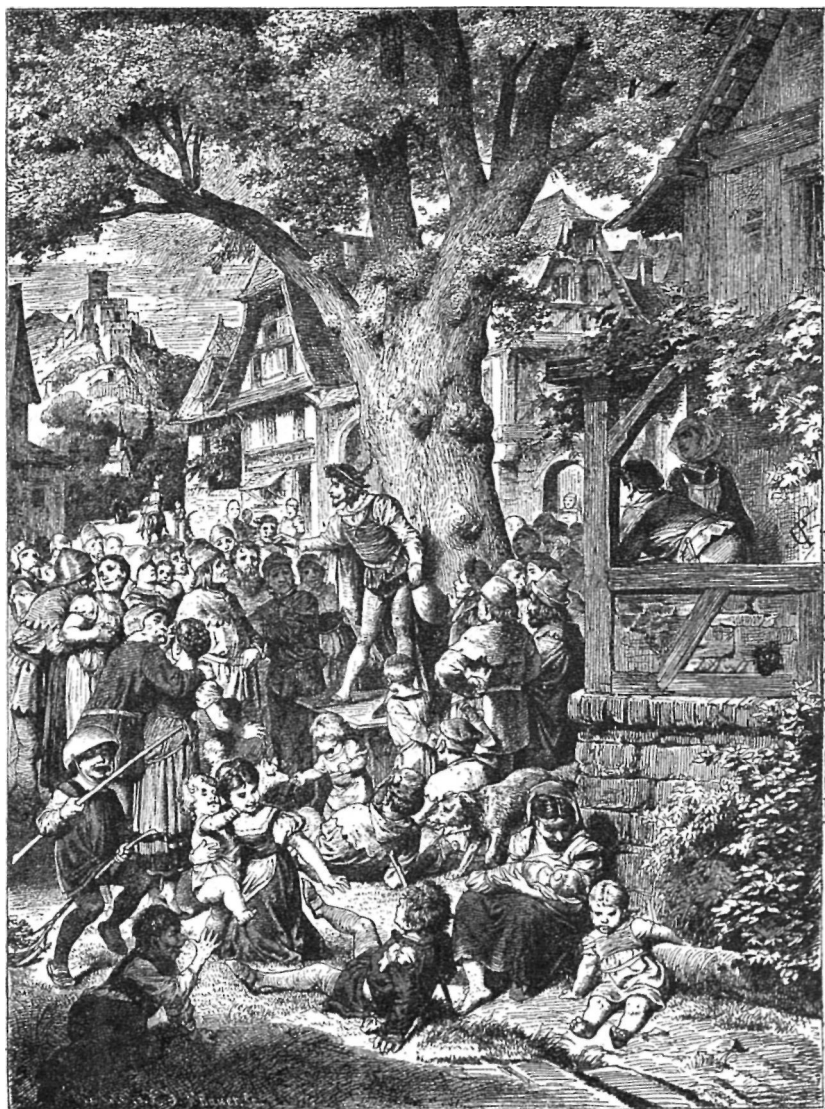
показывали дрессированных медведей, обезьян и лошадей, выделывали сами всевозможные хитрые штуки. Особенно часто стали они заглядывать в деревни с XIII столетия, когда против них было воздвигнуто целое гонение, в виду того, что их шутки и песни не всегда были благопристойны: и вот, гонимые из городов, они бродили по дорогам и питались, чем Бог пошлет, не гнушаясь и теми скудными подаяниями, которые выпадали на их долю со стороны деревенских жителей, необыкновенно падких до всяких зрелищ, но — по понятной причине — довольно скупо



Жонглеры (со стар. миниатюры).

вознаграждавших за них. Заберется прохожий балагур на подмостки, тут же ему устроенные, и потешает своими рассказами весь собравшийся люд, возбуждая бесконечный хохот. Длинноволосый, в красном кафтане, с арфой, скрипкой, волынкой или тамбурином в руках, он становился душой общества, среди которого появлялся. Чего только ни приходилось им испытывать во время своих странствований. Неожиданность тех перемен, которые приходилось переживать им, прекрасно отразилась в следующей средневековой сказке. Промаявшись целый день, какой-то жонглер был застигнут ночью в глухом месте. Добрел он до одинокой хижины и стучится в нее.

Дверь гостеприимно открывается. Оказывается, что в хижине живут две старухи, которые и соглашаются пустить к себе на ночевку усталого жонглера. Но бедняга и не догадался, к кому он попал: старухи были колдуньями. Ночью они превратили жонглера в осла. Превращенный в осла, жонглер сохранил свои прежние способности, т. е. изобретательность на разные ловкие штуки. Старухи показывали его желающим за деньги и нажили себе большое состояние. В ту пору почти в каждом замке держали ради забавы каких-либо дрессированных животных, — и вот один богатый человек за большие деньги купил у старых волшебниц нашего жонглера-осла. Старухи были добросовестными продавщицами и советовали покупателю держать свою покупку подальше от пруда или реки, вообще от большого водовместилища: вода — говорили они — лишит его способностей, как только он купается в ней. Новый хозяин превращенного жонглера держал его под хорошим присмотром. Но как-то раз, по оплошности приставленного к нему сторожа, осел вырвался из своего стойла, со всех ног понесся к ближнему пруду, бросился в воду и вышел из неё в своем прежнем облике: вода разрушила силу чародейства. Вернувши себе свой прежний человеческий образ, он стал повсюду рассказывать о своем замечательном приключении. Слух о нем широко распространился и дошел до папы: волшебниц арестовали, заставили сознаться в своем проступке и, конечно, сожгли на костре. В самом рассказе, нами только что переданном, есть такое место, которое указывает на происхождение рассказа: об этом событии — говорится там — рассказывал сам жонглер. Несомненно, и вся эта сказка была придумана каким-нибудь жонглером и может служить образцом их повествований. Слушались рассказы и в



Жонглер в деревне.

таким роде. Богатый крестьянин женился на дочери бедного рыцаря; брак оказался несчастным, и жена ожидала только удобного случая, чтобы избавиться от своего мужа. Как-то через ту деревню, в которой они жили, проходили посланцы короля. Дело в том, что королевская дочь заболела, и король отправил их на поиски за искусным врачом. Жена нашего крестьянина заявила им по секрету, что её муж обладает замечательным врачебным талантом, но отличается при этом одной только странностью, которую следует иметь в виду, разговаривая с ним: он не только не согласится лечить, но даже и не сознается в том, что умеет лечить, пока не побьют его основательно палками. Ничего не подозревавшего мужика схватили, связали по рукам и по ногам и повезли к королевскому двору.



Свинопас (со стар. миниатюры).

Как только привезли его во дворец и предложили ему, после обстоятельного доклада, сделанного на его счет королю, лечить королевну, он, разумеется, отказывается и заявляет, что век свой не занимался лечением. Его бьют. Тогда он соглашается поневоле исполнить поручение и, по счастливой случайности, лечит необыкновенно удачно: королевская дочь выздоровела. Казалось бы, что на этом и сказка кончается. На самом деле конец её совершенно неожиданный. Уверившись в громадном таланте крестьянина-врача, его удерживают при дворе, чтобы он мог приносить пользу всем нуждающимся в его искусстве. Вольные идут толпами к модному врачу, он отказывается и

всякий раз принуждается к делу тем же самым *суровым*, но испытанным средством ¹⁾). Но надо полагать, что эта сказка рассказывалась скорее в замке или на городской площади, чем в деревне: как ни были бесшабашны, беззастенчивы бродячие балагуры, у них было, конечно, настолько такта, чтобы не высмеивать мужика перед мужиками. перед ними, надо думать, он рассказывал такие анекдоты, в которых выставлялись страдающими представители других сословий, а мужик торжествовал. Ясное представление о подобных рассказах может дать содержание одного средневекового немецкого стихотворения. Действующими лицами в нем являются: крестьянин, священник, выборный староста и господский управляющий. Бедный крестьянин теряет единственного своего вола. Взваливает он себе на плечи кожу павшего вола и грустный отправляется в ближайший город на ярмарку, чтобы продать ее там за сходную цену. Кожа продана за недорогую цену, и крестьянин возвращается домой. По дороге он совершенно случайно находит большой клад и наполняет свой мешок найденными монетами. Вернувшись домой, он хочет узнать, сколько мер составят найденные им монеты, и посылает своего сынишку к управляющему за мерой. Управляющий любопытствовал, зачем понадобилась крестьянину мера, а крестьянин проболтался, но при этом солгал, объявив, что монеты получил на ярмарке за проданную там воловью кожу. Поверил управляющий, рассказал об этом священнику и старосте. И вот, все трое убили своих волов и повезли на ярмарку воловьи кожи. Нашлись охотники, прицениваются, но не верят ушам своим и широко раскрывают глаза на продающих их: последние запрашивают такие цены, которых

¹⁾ Ср. *Le medecin malgre lui* *Мольера*.

никогда не бывало. Дело доходит даже до ссоры и до драки. Трое наших продавцов привлекаются к суду и оставляют воловьих кожи в городе, в залог того, что явятся в суд в назначенное время. Вернулись они домой и первым делом накинулись на мужика, которого считали главной и единственной виной своих бедствий. Мужик и на этот раз перехитрил их. Когда они погрозились убить его, он показал им трубу и заявил при этом, что она воскрешает мертвых: стоит протрубить, и мертвецы оживятся. Изумились сельские сановники, отобрали от мужика его трубу и задумали испробовать её чудесное действие над своими женами: умертвили их и — давай трубить? Воскресение, однако, несмотря на все усердие их, не последовало. Тогда пошли они снова к мужику. Тот принял смиренный вид и признал себя достойным смерти: „вяжите — говорит — меня веревками, кладите в бочку и скатывайте в воду“. Герои наши связали мужика, положили его в бочку и докатили последнюю до самого берега реки, как вдруг крестьянин говорит им, что дома у него остались в ларе деньги, на которые он и предлагает им выпить. Обрадовались приятели, оставили бочку, как была она, у берега, а сами побежали в деревню. В это время проходит мимо бочки свинопас и диву дается, зачем это мужик лежит в бочке, да еще связанный. Хитрый крестьянин объявляет ему, что односельчане хотят выбрать его в старосты, он не желает этого, и они хотят заставить его силою подчиниться общей воле, почему и поступили с ним так сурово. У пастуха возникла мысль, не воспользоваться ли случаем, не влезть ли самому в бочку: ведь, может статься, и его сделают старостой? Он освободил крестьянина, попросил связать себя и протолкнуть в бочку. Крестьянин с большой охотой исполнил просьбу своего

неожиданного избавителя. Только что произошло все это, как к берегу прибегают три вышеупомянутых лица: они, по-видимому, не нашли в хижине крестьянина того, чего искали в ней, и начали сталкивать бочку в воду, предполагая, что в бочке находится их недруг. Заключение в ней пастух кричал, что есть духу, о своем желании быть старостой, но его не слушали и дружно скатили бочку в воду. А крестьянин сделался свинопасом и жил себе припеваючи. В пересказанном произведении чувствуется грубый, но все же сильный и смелый юмор. Такие рассказы были во вкусе толпы и вызвали у неё самый искренний смех. Большинство рассказов, сочинявшихся или распространявшихся бродячими рассказчиками, отличалось крайнею резкостью, распушенностью; странствующий жонглер невысокого разбора не скупился ни в сюжетах, ни в выражениях перед своими слушателями, лишь бы заработать от них что-либо. За описанными забавами время летело незаметно.

Солнце совершило уже большую часть своего пути и стало склоняться на запад. Рассказчик, утомленный продолжительной работой, куда-то скрылся. Замок ярко озарен красноватыми, косвенными лучами вечернего солнца. Спустился подъемный мост, и из-под ворот замка вышло веселое общество, с владельцем во главе. До солнечного захода оставалось немного времени; владелец замка со своею семьей и многими гостями решили воспользоваться этим временем для прогулки по живописному берегу реки; предполагали заняться в удобном месте и рыбной ловлей. Их сопровождают лица, которые несут необходимые приборы. Красивую картину представляет все это общество, спускающееся с замкового возвышения. На встречу ему отправилась большая группа крестьян и крестьянок: некоторые из

них хотят воспользоваться благоприятным случаем и обратиться к своему господину с просьбами, другие идут посмотреть и послушать. Почти у самого спуска с горы от группы крестьян отделилась красивая, цветущая девушка в сопровождении своей матери. Она обратилась к своему господину с просьбой о дозволении ей вступить в брак с молодым человеком,



Перевозка рыбы сухим путем и водою (со стар. миниатюры).

живущим в другой сеньории, т. е. зависящим от другого господина. Вопрос серьезный, решение которого всецело зависело от господина. Он мог совершенно не разрешить женитьбы, мог поставить какие угодно условия. Ответ господина решал все в тех случаях, когда желающие вступить друг с другом в брак жили в одной и той же деревне или в двух деревнях, принадлежащих одному и тому же господину. Но в данном случае дело усложнялось вопросом о

детях, которые рождаются от предполагаемого брака: кому будут принадлежать они, которому из господ, господину жениха или господину невесты? Вопрос этот решался различно: большей частью дети делились поровну между господами; если рождался только один ребенок, он становился собственностью господина матери, но в таком случае господин отца получал известную сумму денег; бывало и так, что в замену выдаваемой замуж в другую сеньорию девушки, её господин получал из той сеньории другую девушку. От XII века сохранился интересный документ, имеющий ближайшее отношение к вопросу, интересующему нас. Случилось, что крепостной одного Парижского аббатства (Saint-Magloire) женился на девушке, жившей в одной из королевских деревень. Аббат поднял по поводу этого брака формальный вопрос и заявил, что аббатство не желает терпеть никакого убытка. Чтобы прекратить возникшее дело, король Людовик VII подписал документ, признавший необходимость раздела детей от этого брака между королем и аббатством. В одном хозяйственном инвентаре, относящемся к эпохе крестовых походов, слуги и горничные записаны в перемешку с домашними животными и даже с хозяйственными предметами (вилами и носилками), что прекрасно характеризует взгляд на крепостное право в то время. Нет ничего удивительного, если, при таком взгляде, сеньоры позволяли себе всевозможные и подчас возмутительные поступки с населением принадлежащих им деревень. Девушке, обращающейся к своему господину с просьбой о разрешении брака, приходилось трепетать не на шутку. Девушка получила желаемое разрешение и благодарная, с разгоревшимися от волнение щеками, пала к ногам своего господина. После этого господин обратился к одной из сопровождавших его молодых

особ, наследнице богатого лена, находящегося на его земле, и сказал ей: „и вам, mademoiselle Иоланда, следует выйти замуж; я уже предложил вам трех молодых людей, красивых, рослых, сильных, прекрасно владеющих оружием и отличившихся на турнирах; решайтесь скорее, выбирайте любого, и полно плакать! Вам хочется выйти замуж за своего кра-



Рыбная ловля (со стар. миниатюры).

савчика — знаю, знаю... Он — милый юноша, но слишком хил, слишком деликатен. Он и двух раз в своей жизни не бывал на больших кабаньих или волчьих охотах. Он всегда в залах с дамами, среди ширм, у печей; он не мог бы, как следует, держать ваш фео́д, наиболее важный из находящихся на моей земле, а это было бы вредно и для вас, и для меня; я вам — то же, что отец". Опечалили

эти слова прекрасную Иоланду, она снова заплакала и, может быть, позавидовала крестьянской девушке, только что получившей разрешение на брак.

От группы отделился и подошел к господину молодой человек, который явился сюда только сегодня. Он научился грамоте и страдает честолюбием; ему хочется сделаться духовным лицом.

„Ты — мой человек?“ спрашивает его владелец замка.

— Нет, отвечает молодой человек, я владею леном в зависимости от одного буржуа (тут он назвал ближайший город и имя богатого горожанина), он дал свое согласие на то, чтобы я пошел в клирики, но буржуа этот зависит от вас, а потому необходимо ваше согласие.

„Что же? проэкзаменуйте его, отче!“ обратился господин к находившемуся в его свите замковому капеллану с умным и даже несколько лукавым лицом. Капеллан предложил жаждущему сутаны молодому человеку несколько вопросов и дал удовлетворительный отзыв о его познаниях.

„Так составьте на досуге бумагу, — снова обратился господин к своему капеллану — я приложу к ней свою печать, а моя жена свою. Ступай с Богом! прибавил он, обращаясь к молодому честолюбцу, сияющему от удовольствия.

Так разрешил сеньор еще несколько просьб и, сопровождаемый блестящим обществом, среди которого слышались шутки и смех, и в котором составляла печальное исключение бедная Иоланда, направился через деревню к реке.

В это время парни и девушки принялись за свое любимое занятие — танцы. Точно из земли, выросли свои деревенские, доморощенные музыканты; тут и волынка, и тамбурин, и скрипка. Эти доморощенные музыканты

отбивали хлеб у жонглеров, и один из последних сильно негодует на них в своем произведении. Он называет крестьян слепыми, так как они не замечают очевидной разницы между жонглерами и своими „пастухами“. Вокруг них — говорит он — теснятся они в большем количестве, чем вокруг бочки с пшеницей, выставленной на продажу; они отвергают менестрелей; они заставляют играть день и ночь тех,



Сельский хоровод (со стар. миниатюры).

у кого больше тамбурин или волынка, кто больше ревет, кто производит больше шума. Набрав себе денег, эти гудочки возвращаются к своей работе, один берется за мотыку, другой за косу, Одни исправляют ров, другие молотят хлеб. Нет, никогда Мать Божья, окруженная сонмом ангелов, не любила тамбурина: на её свадьбе тамбурина не было". Не спрашивайте, как играли деревенские музыканты, но впе-

чатление они производили неотразимое. Танцы сопровождались пением.

Но не все, конечно, довольствовались перечисленными нами развлечениями. И тогда были люди, которые находили почти единственное наслаждение в питье и пропивали по праздникам гроши, таким тяжелым трудом добываемые ими в будни. И от этого жизнь их становилась еще безотраднее. еще тяжелее.

Из эпохи Жакерии.

Положение французских крестьян стало улучшаться в XII—XIII столетиях. Улучшение это было вызвано прежде всего крестовыми походами. Отправляясь в Святую Землю, на освобождение Св. Гроба, испытывая невольное волнение и под влиянием величия самой цели, и под влиянием представления о далеком и небезопасном пути, феодальные рабовладельцы становились доступнее голосу справедливости и давали своим крестьянам различные льготы, облегчавшие их положение. К тому же побуждало их и естественное желание расположить в свою пользу крестьян, среди которых они оставляли своих жен, своих детей и свое имущество. Наконец, крестьяне стремились толпами в ряды крестоносных ополчений, так как участие в крестовом походе приносило им свободу: нужно было удерживать их от ухода, и феодалы старались делать это путем различных льгот и уступок. Нуждаясь в деньгах для своих отдаленных предприятий, феодалы продавали даже полную свободу наиболее зажиточным из своих крестьян. Богатое духовенство играло также немалую роль в деле улучшения крестьянского быта: оно выдавало феодалам крупные суммы денег под залог их имений, вступало

в управление ими и значительно улучшало положение крестьян, прекрасно понимая, что улучшение это увеличит доходность их имений. Известное влияние на деревни и обитателей их оказывали и французские города, уже пользовавшиеся в эту пору некоторою свободой. Благодаря всему этому, французские крестьяне избавлялись от наиболее тяжелых и возмутительных повинностей, которые раньше лежали на них всей своей тяжестью. В деревнях, именно в это время, возникли различные классы населения, значительно разнившиеся друг от друга по своему положению. Именно с этого времени начиная, деревни вступают в новые договоры со своими владельцами, которые подписывают особые хартии или кутюмы. Любопытно, что в ряду прав, перечисляемых в этих кутюмах, почти всегда встречается право принимать к себе посторонних крестьян, бежавших от своих владельцев. В XIII столетии французские короли, соединившие в своих руках почти половину Франции, освобождали сельское население от феодального гнета, как раньше освобождали от того же гнета население городов; и в том, и в другом случае ими руководили политические расчеты. Они стали давать права гражданства, без различия, и жителям городов, и жителям деревень: одним — право действительного гражданства, жителям того или другого города, из которых каждый и назывался действительным гражданином (*bourgeois reel*), другим — личное право гражданства, жителям деревень, приписавшимся к городу и платившим за это известную подать, — каждое из таких лиц и называлось личным гражданином или гражданином короля (*bourgeois personnel* или *bourgeois du roi*). В начале XIV века французские короли стали освобождать крестьян целыми массами, и примеру их следовали крупные феодальные владельцы. Все, по-видимому, шло

к лучшему. Как же объяснить те крестьянские восстания, которые происходили неоднократно в продолжение XIII века и завершились огромным восстанием, относящимся к началу второй половины XIV века и известным в истории под именем Жакерии (la Jacquerie)?

Первою и главною из причин было непомерное количество податей. И прежде всего, сама свобода крестьян покупалась последними дорогою ценою. Все эти преимущества — говорит в своей „Истории крестьян во Франции“ Leumarie — приобретались недаром: за них следовало платить новыми податями, которые сильно увеличили число прежних податей". Между этими новыми поборами, на которые соглашались с радостью из-за уничтожения более тяжелых, более стеснительных прав феодала, были такие, которые в свою очередь сделались невыносимыми или, по крайней мере, переносились с нетерпением. Напр., свобода брачных союзов была куплена ценою денежной пени; право завещать и наследовать имущество было дано также на известных, стеснительных условиях: наследовавший имущество своего отца должен был платить по определенной таксе. Обыкновенно платили натурой: увеличивалось число рабочих дней, посвящавшихся господским интересам, увеличивалось количество снопов, количество шерсти, ягнят, цыплят, приносившихся крестьянами на господский двор.

В 1315 году французский король Людовик X Сварливый (le Hutin, le Querelleur) издал следующий эдикт:

„Так как, по естественному праву, всякий должен родиться вольным, вследствие же иных порядков и обычаев, которые издревне были введены и хранились по сие время в нашем королевстве, а может быть и за грехи прежде живших, много нашего простого народа обращено в крепостных и разного рода подат-

ных, что крайне нас огорчает, — мы, принимая во внимание, что королевство наше слывет и именуется королевством франков, т. е. свободных людей (*franc* — вольный, свободный), и желая, чтобы вещь поистине отвечала названию, и чтобы состояние людей от нас улучшилось, с наступления нового нашего правления: по определению нашего верховного совета, *повелели и повелеваем*, чтобы вообще по всему королевству, насколько может зависеть от нас и от наших преемников, таковые (крепостные) повинности обращались в льготы, и чтобы всем тем, кто по происхождению, либо с давнего времени, или же вновь, вследствие брака либо пребывания в местах несвободных от повинности, подпали или могли бы подпасть под неволю, была дарована свобода на подходящих и выгодных условиях. И чтобы в особенности люди низшего сословия сборщиками, приставами и прочими должностными лицами, кои в прежнее время наряжались по делам о наследстве бездетных рабов или о браках, заключенных без дозволения владельца, не были впредь притесняемы и ради таких дел не терпели убытков, как велось до сего времени к нашему неудовольствию, и дабы прочие господа, имеющие подвластных людей, следуя нашему примеру, возвращали им свободу: *мы*, вполне полагаясь на верность вашу и испытанное благоразумие ¹⁾, *поручаем вам и повелеваем*, согласно содержанию сей грамоты, отправиться в Санлисский округ и подсудные ему места и со всеми, кто будет вас о том просить, договариваться и вступать в такие соглашения, *которыми нам было бы дано достаточное вознаграждение за те выгоды, кои от сказанных выше повинностей могли произтекать для нас и для преемников наших*; даруйте им, насколько касается нас и наших преем-

¹⁾ Обращается грамота к местру Сэнс де Шомон и местру Николаю де Брэй.

ников, общие и вековечные льготы, как сказано выше и более подробно нами вам изъяснено, объявлено и передано устно. Мы же обещаем чистосердечно от себя и за наших преемников, что утвердим и одобрим, будем соблюдать сами и прикажем соблюдать и хранить все то, что по делам вышесказанным вами будет постановлено и даровано; грамоты же, которые вами будут выдаваемы на наши договоры, сделки и пожалования льгот городам, общинам, поместьям и частным лицам, мы отныне впредь будем утверждать, а также будем выдавать им и свои, в случае если о том будут просить нас. Повелеваем всем нашим судьям и подданным во всех сих делах оказывать вам повиновение и надлежащее содействие. Дано в Париж, в 3 день июля, в лето от искупления мира 1315".

Эта грамота была дана в то время, когда казна Людовика X истощилась. Вместо того, чтобы предоставить самим крестьянам откупаться тогда, когда они будут в состоянии делать это, король, находя, что такое мероприятие не наполнило бы в достаточно скорое время его сокровищницу, обратился к своим комиссарам с следующим указом: „Так как может случиться, что кто-либо, или под влиянием вредного совета, или в силу непонимания, не уразумеет столь великого преимущества и столь великой милости и захочет лучше остаться в жалком состоянии рабства, чем получить свободу, мы повелеваем вам и поручаем собирать с таковых лиц, сообразно с размерами их имуществ и условиями рабства, подати для предстоящей нам войны, в таких размерах, каковые могут быть допущены как положением, так и имуществами каждого из них, а также каковые требуются для нашей войны".

Таким образом настоящая цель, с которою было

издано вышеприведенное повеление, обнаруживается вполне, и философское рассуждение об естественных правах людей падает само собою. Так поступали и все сеньоры, как светские, так и духовные, одни в большей, другие в меньшей степени: освобождая подвластное им население от одних повинностей, они налагали на них другие. Дело не ограничивалось, впрочем, только уплатой известной суммы или несением известной повинности своему ближайшему сеньору; так как сеньор зависел в свою очередь от сюзерена, то крестьянину за получаемые льготы приходилось пла-



Средневековые крестьяне.

тить и тому, и другому. Это может быть подтверждено первым попавшимся примером: граф Монтегю дал освободительную хартию населению местечка Шень (Chaigne), и крестьяне, обитавшие в нем, должны были заплатить 100 фунтов своему сеньору, т. е. графу Монтегю, и 640 фунтов герцогу бургундскому, сюзерену графа, за его согласие на выдачу упомянутой хартии. То же было и с крестьянами, жившими на монастырских землях. Помимо уплаты известной суммы денег, освободительные грамоты требовали иногда и соблюдения особенных условий; так напр. аббат монастыря St.-Germain-des-Pres отмечает в данной им хартии следующее, оставляемое за ним и его преемниками

право над людьми, живущими в их деревнях и получившими различный льготы: „нашей церкви сохраняется право облагать наших людей податями в те годы, когда король наложит на нас подати, и при том пропорционально той сумме, которую потребуют от нас". нередко налагался в таких случаях новый оброк, который и получал новое, специальное наименование. „Мы налагаем, — говорит хартия Орлеанского капитула — как бы в отплату за благодеяние свободы, нами дарованное, главный оброк, заключающийся в том, чтобы с каждой дюжины снопов, которые будут сняты на земле нашей, и даже с каждых одиннадцати снопов, если нельзя собрать боле с одного поля, мы имели право получать один сноп, который мы сами выберем, и который будет доставлен земледельцем в нашу житницу: этот сноп будет называться „снопом свободы" (le gerbe de liberte). Но эта новая „десятина", как назывались подати, несомы церкви, не исключала прежних. Благодаря этому, материальное положение освобождавшихся крестьян было еще гораздо хуже, чем положение крепостных.

Много бед приносили крестьянам междоусобные войны феодалов, истреблявшие их посевы, разрушавшие их жилища. Эти междоусобные войны породили целый класс разбойников, совершавших нападения на деревни и безнаказанно обижавших и разорявших крестьянское население. В конце XII века крестьяне, вопреки существующим запрещениям, издававшимся как господами, так и церковными соборами, образовали между собою союз для защиты своих жилищ и своего имущества от разбойников. Основателем этого союза, этого братства был один плотник. Он объявил, что ему явилась во сне Пресвятая Дева и повелела образовать такое общество, которое защищало бы деревенских жителей. Самое общество получило

свое название от имени Пресвятой Девы. Но эта мера не могла искоренить зла: члены общества отбивали бродяг и разбойников из одного места, а те быстро переходили на другое и подвергали его разорению.

И вот, в среде полуразоренного, недовольного, угнетаемого крестьянства стали появляться проповедники. Проповедники эти резко отличались от других людей: не ели мяса, не пили вина, не брали денег, бродили повсюду босиком и с непокрытыми головами. О прибытии их в ту или другую местность немедленно узнавало все население, и все стремились к ним. С возвышенных мест произносили эти странники свои горячие, но простые, доступные народу речи об его жалкой судьбе, о наступлении новой поры — царства Божьего на земле. На них смотрели, как на вестников Бога, их речам внимали с восторгом: те речи громко гласили о том, что смутно и медленно зрело в душе каждого из слушателей. И долго, и назойливо звучали в ушах крестьянина эти речи; они западали в его душу, как зерно в разрыхленную, подготовленную для его восприятия землю. Они нарушали спокойствие его сна. И в своих сновидениях крестьянин видел эти исхудалые, загорелые лица, с ярко горящими глазами, с длинными волосами и бородами. феодалы посылали своих оруженосцев и воинов за этими проповедниками, преследовали их, но те быстро скрывались в других местах и уводили за собою новых учеников; единственный крестьянский сын, надежда своих родителей, бросал отчий дом и шел за провозвестниками зари новой жизни, каковыми считали их крестьяне. Проповедники уходили, пропал и самый след их, но посеянные ими семена давали всходы. В разных частях Франции возникли новые, на этот раз воинственные союзы; во главе их становились новые, еще более фанатичные, жесто-

кие проповедники. Союзницей их была и непросвещенность народной массы.

Неоднократно поднимавшиеся в XIII веке крестьянские восстания не улучшали положения деревенских обитателей, а напротив того, ухудшали его. Подавляемые с большою жестокостью они влекли за собою новые тяжести. Один французский исследователь сравнивает эти восстания с мимолетными бурями, после которых народные волны утихали. Настоящая, грозная буря разразилась уже в XIV веке, когда к прежним невзгодам присоединились бедствия Столетней войны. Ей предшествовали волнение, происходившие в среде городского сословия. Зажиточные французские горожане, добившиеся независимости и самоуправления, делали неоднократные попытки изменить существовавший в то время государственный строй. Генеральные штаты (*etats geneaux*), созванные в 1356 году, набросали проект государственного устройства, утвержденный самим королем. Законодательная власть была разделена между королем и особым советом из девяти членов, в состав которого входили представители от трех сословий, и который должен был сделаться постоянным учреждением: кроме того, по-прежнему, должны были собираться сословные представители в сроки, ими же определяемые; подать налагалась, без всяких изъятий, на все сословия; представители генеральных штатов должны были наблюдать за всеми финансовыми действиями правительства; учреждалось народное войско, в состав которого входил каждый, вооружаясь сообразно со своим положением; уничтожались исключительные, особенные суды; отменялись исключительные торговые права и т. п. Но еще большее движение произошло в следующем 1366 году. Это был несчастный для Франции год, когда была проиграна битва при Пуатье, а король по-

пался в плен к англичанам, когда французская знать обнаружила свою полную несостоятельность, обратившись в позорное бегство, несмотря на свое количественное превосходство над врагом. Девятнадцатилетний сын короля, в числе первых спасшийся бегством с поля сражения, созвал генеральные штаты. Последние, состоя на половину из представителей от



Замковые руины.

городского сословия, объявили свое собрание высшим государственным учреждением. Скоро дворянство и духовенство отшатнулись от городских представителей, но последние, не смущаясь, продолжали заседать в Париже, развивая общее положение, изменяя некоторые подробности, выработанные штатами предыдущего года. Во главе их стал Парижский городской

голова Стефан Марсель. Ближайшим помощником его был Лаонский епископ Роберт Леккок (le Coq). Дело не ограничилось на этот раз только проектами и реформами; возмущая письмами население других городов, парижские горожане прибегли к насилиям.

Знать была возмущена поступками городских представителей. Один из недовольных умолял принца-правителя на коленях, чтобы он уничтожил бунтовщиков; принц, до того времени колебавшийся, согласился на тесное соединение с дворянством. Последствием этого раздвоения была гражданская война. Париж был в руках Марселя. Последний укрепил его и сражался против приверженцев принца, как против врагов страны. В это-то самое время и поднялись крестьяне, в 1358 г.

Впервые обнаружилось восстание 21 мая в области Иль-де-Франс, и, как страшный пожар, раскинулось на всем пространстве между Сеной и Уазой. Крестьянские банды, вооруженные палками и ножами, бросились на замки, зажигали эти мощные твердыни, истребляя всех обитателей их, без различия пола и возраста. То была дикая расправа, напоминавшая ужасы, производившиеся варварами в периоды их грозных вторжений в цивилизованные страны. *Жак-простак*, как насмешливо называли дворяне крестьян, превратился в зверя; в нем проснулись дремавшие до той поры первобытные, дикие, бесчеловечные инстинкты.

У одного из французских писателей, Проспера Мериме, есть обширное драматическое произведение, необыкновенно ярко и правдиво рисующее восстание французских крестьян или *Жакерию*, как называется оно в истории от имени „Жак-простак" (Jacques-bonhomme), соответствующего до известной степени нашему „Иванушка-дурачок", с тою разницею, что русское прозвание соответствовало всегда лишь известному типу

и никогда не применялось в качестве презрительной клички по отношению ко всему простому народу.

Мы приведем здесь два отрывка ¹⁾. В первом из них рисуются отношения французских феодалов к своим крестьянам, господствовавшие, по крайней мере, в тех областях, которые сделались местом восстания.

Готическая зала в Апрмонском замке.

Конрад (сын барона д'Апрмона), Боннен (его воспитатель).

К О Н Р А Д .

Расскажи мне какую-нибудь хорошенькую историю из богатырских времен.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Государь, не угодно ли вам послушать о великом рыцаре Гекторе Троянском, или о благородном бароне Фемистокле?

К О Н Р А Д .

Я все это уж знаю. Ведь это тот самый, что отравился потому, что царь персидский хотел его обратить в турецкую веру?

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Именно; не хотите ли, чтобы я вам рассказал о добром Лаконийском царе Ликурге?

К О Н Р А Д .

Ты вечно мне рассказываешь все одно и то же. Я знаю историю царя Ликурга так же хорошо, как и про короля Артура.

¹⁾ Жакерия, сцены из феодальных времен *Проспера Мериме*, перевод Д. В. Аверкиева. Спб. 1893. (Изд. А. С. Суворина).

ВОСПИТАТЕЛЬ.

А помните ли вы устав утвержденного им рыцарского ордена?

К О Н Р А Д .

Конечно; орден святой Спарты.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Что за память в таком нежном возрасте! По истине, государь, вы знаете больше моего, и скоро мне придется брать у вас уроки. Хотелось ли бы вам быть рыцарем ордена св. Спарты?

К О Н Р А Д .

О, да! Мне в этом ордене нравится то, что, когда господские сыновья утаскивали пирожное или какое-нибудь варенье, то их за то не бранили и не отнимали. А потом, как они потешались над рабами! Как бишь их звали?

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Илотами, государь.

К О Н Р А Д .

Да, да, илотами. Когда я вырасту и стану пажом, я так же, как они, стану охотиться на мужиков.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Просто чудеса! он ничего не забывает. Желал бы я, чтоб государь-барон (он все смеется над образованием, которое я преподаю вам) был здесь и послушал вас. Запомнить даже самые варварские имена! Ах, государь, что за рыцарь из вас выйдет!

К О Н Р А Д .

Еще бы, я ничего не боюсь! Когда я играю с моими крестьянами в войну, я не боюсь пяти и шести маль-

чуганов. Я их так дую палкой, что они бегут, как зайцы.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Выслушайте меня, государь; будьте благоразумны. Господин сенешаль запретил этим маленьким негодьям отвечать вам ударом на удар, но этот народ склонен ко злу, и они как-нибудь и возымеют дерзость воспротивиться вам. Берегитесь.

КОНРАД.

Да, как же! Я не побоюсь и десяти тысяч мужиков. Я боюсь только пауков да лягушек.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Я об одном молю Бога, чтобы мне дожить до возможности описать подвиги, которые вы совершите. Вы заставите позабыть о подвигах Амадиса Гальского.

Входят ИЗАБЕЛЛА (сестра Конрада) и МАРИОН (её молочная сестра).

КОНРАД.

А, вот и сестра. Здравствуй, сестра Изабо; дай мне того, что ты ешь.

ИЗАБЕЛЛА.

Я ничего не ем.

КОНРАД.

А мне показалось... Разве у тебя ничего нет в шкатулке, которую тебе подарил мой друг Монтрэль?

ИЗАБЕЛЛА.

Лакомка! ты заболеешь оттого, что все ешь сладкое, и мне говорили, что ты тащишь у наших бедных вассалов все, что ни увидишь.

К О Н Р А Д .

Разве все, что у них есть, не нам принадлежишь?

И З А Б Е Л Л А (воспитателю).

Вам следовало бы его учить иному.

Входят *д'Апрмон* и его *сенешаль*.

Д ' А П Р М О Н .

Сейчас же повесить, а потом четвертовать и куски прибить к дереву.

К О Н Р А Д .

Кого это, папа?

Д ' А П Р М О Н .

Мерзавца Жерара; он думал, что, убежав в часовню св. Лефруа, выпутается из дела.

К О Н Р А Д (воспитателю).

Скорей, пойдем смотреть как будут вешать.

И З А Б Е Л Л А .

Какой ужас! Батюшка, запретите ему ходить туда.

Д ' А П Р М О Н .

Напротив, дочка; ему с ранних лет надо приучаться видеть вблизи, как умирают люди, для того, чтобы он не удивился, увидев, как в битве польется кровь.

И З А Б Е Л Л А .

Но смотреть, как погибает безоружный бедняк! Это приучит только к жестокости!

Д ' А П Р М О Н .

Мужчину нельзя воспитывать по-женски.

КОНРАД.

Именно; знай свою прялку! ¹⁾

А вот и другой характерный отрывок, в котором изображены переговоры между восставшими крестьянами и рыцарем королевского двора Белилем, уговаривающим „жаков" к миру. Действие происходит в стане мятежников, расположенном по дороге в Мо.

Б Е Л И Л Ь .

... Позвольте мне, от имени государя герцога Нормандского, спросить вас, зачем вы взялись за оружие?

БРАТ ЖАН (один из предводителей крестьянских банд).

Разве он не знает? Отчего лев нападает на человека? не потому ли, что человек воюет с ним?..

Б Е Л И Л Ь .

... Батюшка, ваш ответ справедлив, но почему же у вас не было доверия к королевской доброте государя герцога? Почему вы не принесли ему жалоб? Он огорчен тем, что не знает, в чем они, ибо его единственное желание удовлетворить и малых, и великих. Во Франции, как вам известно, король всегда бывает королем народа.

Б Р А Т Ж А Н .

Сир рыцарь! видите ли вы эту шпагу? она оказала нам справедливость, она лучше защитила наше дело, чем гусиное перо. И при помощи её мы хотим освободить всех рабов во Франции.

¹⁾ Из сцены III.

КРЕСТЬЯНЕ.

Да, да! мы освободим всех!

БАРТЕЛЕМИ (один из Бовесских крестьян).

И мы хотим, чтобы все французы были дворянами.

...РЕНО (другой крестьянин).

Чтоб барщины не было! Полная воля!

КРЕСТЬЯНЕ.

Да, чтобы барщины не было! Община! Воля! ¹⁾.

В самом начале восстания, впрочем, не было ясных определенных требований. „Они были так уже многочисленны, — говорит Фруассар, указывая на количественный рост восставших, — что, если бы собрались вместе, их было бы сто тысяч человек. И когда у них спрашивали, зачем они делали это, они отвечали, что не знают, но видели, как делают другие, и сами поступали также" ²⁾. Впрочем, и до самого конца это движение отличалось, так сказать, стихийным характером: и на первом, и на втором, и на третьем плане стояли месть и ненависть.

Несмотря на жестокий характер восстание „жаков", горожане сочувствовали им. Многие из них становились во главе крестьянских банд, приносили в них порядок, заправляли их действиями. Горожане руководились при этом главным образом своими личными расчетами. Марсель, чувствуя, что поднятое

¹⁾ Отрывки из XXXII сцены.

²⁾ „Mais ils etoient ja tant multiplies que, si il fussent tous ensemble, ils eussent bien été cent mille hommes. Et quand on leur demandoit pourquoi ils faisoient ce, ils repondoient, qu'ils ne savoient, mais ils le veoient aux autres faire, si le faisoient aussi". Chron. de *Froissart*, 1, I, partie II, ch. 66.

им революционное движение останется безуспешным без посторонней помощи, обрадовался восстанию крестьян, и, когда последние пошли на Мо, где укрылось множество дворянских семейств, он отправил на помощь крестьянам два отряда городской милиции. Зверства, производившиеся ими, пробудили мужество отчаяние, чувство самосохранения в среде дворян: в союз с французскими дворянами вступили дворяне Фландрии, Брабанта, Геннегау и даже английские — отличительное свойство средневековья, когда сословные интересы стояли выше национальных. Наконец, несогласие, господствовавшее в среде восставших, разъединяло их силы, и они потерпели страшное поражение близ крепости Мо. Произошло это 9-го июня 1368 года, а началось восстание, как уже мы сказали, 21 мая: таким образом опасный период его продолжался менее трех недель. С этого же момента начался новый период, период возмездия со стороны дворянства; продолжался он несколько недель.

Когда было подавлено восстание крестьян, положение Марсея сделалось критическим. Он ухватился за следующее средство, в котором видел свое спасение: он вошел в переговоры с королем Наваррским Карлом Злым (le Mauvais), обещая ему сдать Париж и, очень может быть, содействовать провозглашению его французским королем. Но Марсея погубила измена: один из старшин, на которого особенно рассчитывал Марсель, которого называл своим кумом, изменил ему и ввел в полуночное время в крепость Сен-Дени, где находился Марсель, приверженцев дофина. Звали изменника Жаном Мальяром (Maillart). Они застали Марсея с ключами от крепостных ворот в руках.

„Стефан, Стефан, что вы делаете здесь в такой поздний час?“ спросил Мальяр.

— Я здесь, Жан, — отвечал Марсель — для того, чтобы стеречь город, которым я управляю.

„Неужели? возразил на это Мальяр, — совсем не для того; ты здесь в этот поздний час не для хорошего дела. Вы сейчас увидите, — продолжал он, обращаясь к своим спутникам — что он держит в руках ключи для того, чтобы предать город“.

— Ты лжешь! воскликнул Марсель, подвинувшись ближе к своим посетителям.

"Вот как? возразил Мальяр, ты сам лжешь, изменник!"

С этими словами он ударил Марселя топором по голове и побуждал своих спутников словами: „смерть ему! смерть ему! каждый бей от себя! все они — изменники!"

Так погиб Марсель. Вскоре после этого дофин овладел Парижем, и смуты прекратились, но государство было глубоко потрясено пережитыми бедствиями. Обе революции, и городская, и крестьянская, стоявшая в близкой связи между собою, были подавлены. Положение крестьян ухудшилось.

Рисуя ужасы крестьянского восстания, летописцы останавливаются и на событиях иного рода, на описании таких патриотических подвигов, в которых принимали непосредственное участие усмиренные жаки. В их среде и пробудилось патриотическое чувство, на почве которого вырос уже в следующем столетии неувядаемый цветок, вдохновлявший своею свежестью и прелестью богословов, поэтов, художников и музыкантов — Орлеанская дева.

Приведем в заключение нашего очерка один из таких летописных рассказов. В одной деревушке, расположенной вблизи Компьени, составилась крестьянский отряд для борьбы с англичанами, опустошавшими в то время французские области. Крестьяне выбрали



Убиение Марсея.

себе предводителем мужественного, отличавшегося своим ростом, дворянина Гильома Lalouette. Последний приблизил к себе в качестве адъютанта одного из бывших предводителей жаков — Гран Ферре, великана, силача и необыкновенно энергичного человека. Англичане, расположившиеся своим лагерем неподалеку от этой деревушки, явились в ней и напали на крестьян, к которым относились с крайним презрением, так как неоднократно разбивали их в других местах. Началась рукопашная схватка, во время которой Гильом получил смертельную рану и умер. Смерть вождя воодушевила крестьян: „на них как будто повеял своими крыльями гений Франции и преобразил их. Они так били англичан, как били в свое время хлебные зерна в пору молотьбы. Вооруженный громаднейшей секирой, Ферре врывается в середину английского отряда и всюду производит опустошение. Он один убил 45 врагов и в том числе вражеского знаменосца. Враги бежали. Спустя несколько дней, после новой удачной схватки с англичанами Ферре вернулся домой, томимый усталостью и страшной жаждой. Недолго думая, он выпил залпом большую кружку холодной воды. „Что значит для Тебя, Господи, человек, и чего в глазах Твоих стоит лучший из людей, если достаточно только этого, чтобы изгнать душу из тела, казавшегося несокрушимым!“ К Ферре привязалась сильнейшая лихорадка. Тогда он слег в постель, поставив у своего изголовья свою страшную секиру. Проведали англичане о том, что их враг умирает: им мало было его естественной смерти, они хотели насладиться мщением, они желали, чтобы он пал под их ударами. С этой целью в дом Ферре ворвалось 12-ть человек. „Мой бедный Ферре, — вскричала его жена, сидевшая у его постели — пришли англичане, чтобы убить тебя!“

Тогда Ферре вскочил с постели, схватил свою секиру, напал на врагов, убил пятерых из них, — остальные семеро бежали. После этого Ферре выпил еще кружку холодной воды и более не встал уже с постели. Он умер по-христиански, все крестьяне плакали по нем: останься он в живых, никогда англичане не посмели бы приблизиться к деревне ¹⁾.

Крестьянская свадьба.

В предыдущих очерках мы имели в виду французских крестьян; в настоящем очерке мы обратимся к Средневековой Германии. Здесь мы встретим сравнительно большую зажиточность, большее довольство. Чтобы понять причину такого различия, мы остановимся предварительно на нескольких фактах из истории крестьян в Средневековой Германии.

До XII века положение крестьян в Германии было тяжелое и, только начиная с этого времени, оно стало заметно улучшаться. Многие обстоятельства благоприятствовали этому улучшению. Прежде всего, содействовали ему города, которые вообще имели в этой стране большее значение, чем во Франции: они быстро развивались, благодаря постоянной поддержке со стороны императоров, видевших в них оплот для своей власти против князей, стремившихся к полной независимости. Имперские, т. е. стоявшие в непосредственной зависимости от императоров, города пользовались дарованным им правом принимать в число так называемых „свайных граждан" (Phalbürger) перебежавших к ним крестьян и отводили им для поселения городские предместья, вне свайных часто-

¹⁾ Этот летописный рассказ изложен нами по соч. *Боннера*, где он передан выражениями близкими к подлиннику.

колов, окружавших город. Кроме того, в конце следующего, XIII-го столетия, в деревнях образовался особый класс крестьян, которые, не покидая деревни, приобретали право гражданства в соседних имперских городах и, благодаря этому, уклонялись от несения той или другой повинности. Большая часть войн, происходивших в XIV и XV вв. в Германии между дворянами и городами, вызывалась именно тем, что города принимали крестьян под свою защиту. Другой причиной, содействовавшей улучшению сельского быта в Германии, было распространение в северной части её нидерландских колоний. Северная Германия, опустошенная немцами, истреблявшими здесь славянские племена, нуждалась в населении, а голландцы, угрожаемые наводнениями в своей стране, охотно селились на чужбине, тем более, что они получали при поселении своем в Германии большие льготы: сохраняя личную свободу, они получали земли в наследственное владение, имели свой собственный суд и за все это платили незначительные подати. Духовенство в Германии первое поняло значение подобных льготных условий для улучшения земледелия и стало ставить в такие условия местных, подвластных ему земледельцев. Примру духовенства последовали и светские землевладельцы, давая своим крестьянам „фламское" (т. е. фламандское, голландское) право. Благодаря указанным обстоятельствам, в период времени с XIII до конца XV века большая часть крестьян в Северной Германии состояла из наследственных арендаторов: если последние и не были вполне свободны, то во всяком случае не имели основания жаловаться на свою судьбу. Рядом с такими земледельцами встречались, правда, и крестьяне, т. е. закрепощенные земледельцы, но зато здесь существовали и совершенно свободные сельские общества, устройство которых было

сходно с устройством городов ¹⁾. Во всяком случае, весьма ценным приобретением для крестьян было существование особых грамот, с замечательною точностью определявших взаимные права и обязанности землевладельцев и крестьян. Что касается Южной Германии, то здесь, с исхода XII столетия крестьяне обладали усадебной оседлостью и угодьями, в качестве свободных землевладельцев, и гордо противопоставляли себя местному рыцарству. Принимая в расчет все здесь изложенное, нетрудно будет понять ту значительную степень благосостояния и довольства, которая будет чувствоваться в изображении Средневековой крестьянской свадьбы в Германии.

Прежде всего свободный крестьянин, желавший жениться, заручался согласием на этот брак своих родных, а потом и родных своей невесты. Следующим важным фактом в крестьянской свадьбе было точное определение приданого, приносившегося обеими сторонами. В одном стихотворном произведении XIV века — „о свадьбе Метцы" (*von Metzen hochzit*) — рассказывается, что невеста принесла жениху в приданое лошадь, козла, теленка, поросенка, корову и три улья пчел, а жених невест — кусок земли, засеянной льном, двух овец, петуха с курами и несколько денег. Так слагалось будущее хозяйство молодых. Часто свадьба происходила, как описывается и в этом стихотворении, в тот же день. Долгое время она имела характер гражданского акта, гражданского договора между сторонами. И та, и другая сторона выбирали особых свидетелей из числа людей незапятнанной репутации. Какой-нибудь почтенный старик спрашивал в присутствии свидетелей, родных и знакомых жениха и невесты, об их взаимном согласии на брак,

¹⁾ См. наш „Средневековый город“.

и все дело ограничивалось утвердительным ответом с их стороны: свадьба считалась совершенной. В стихотворении „о свадьбе Метцы" говорится, что свадебное пиршество совершилось в доме жениха, так как он отличался своим простором сравнительно с домом невесты. В самом доме поместились все приглашенные на свадьбу, а за дверьми его стояла большая толпа любопытных. В указанном стихотворении живо рисуется крестьянская свадебная пирушка. Необходимой принадлежностью её был музыкант, игравший во все время обеда и после него, пока усердное подчивание не лишало его возможности заниматься этим делом. Как в еде, так и в питье крестьяне обнаруживали поразительный аппетит. Блюда, подававшиеся на стол, отличались своею сытностью, всего приносилось в большом количестве, а, между тем, после окончания обеда не оставалось ни крошки. Усердно истреблялся белый хлеб, пшенная каша, особый соус из репы с кусками сала, жареные колбасы и, наконец, мус — особое блюдо, приготовлявшееся из овсяной или манной крупы и служившее десертом. Приглашенные на празднество гости жадно накидывались на яства, так что нередко многие из них обжигали себе языки и рты, над чем от всей души хохотали остальные обедающие. О какой-либо опрятности при обращении с яствами, конечно, не могло быть и речи. Обедали до того основательно, что у некоторых гостей лопались пояса, а наиболее благоразумные и осторожные люди распускали их заблаговременно: пили с таким же усердием, так что в следовавших после обеда танцах принимали участие далеко не все участники обеда. По окончании свадебного пиршества невеста отводилась в предназначенный для того покой, при чем старалась как можно более ломаться, плакать, кричать „увы" — всего этого требовал обычай.

На следующее утро молодые дарили друг другу подарки, так наз. утренние дары. Только в этот день они отправлялись в церковь, чтобы помолиться о счастии и благополучии совершившегося брака.

И это событие в жизни крестьянина, как и все другие, окружалось целою сетью суеверий и предрасудков, из которых мы отметим следующие. Важным вопросом был выбор самого свадебного дня, так как и от этого, по тогдашним взглядам, зависело счастье, зависела вся будущность молодых. Лучшим временем для свадьбы считали ту пору, когда прибывает месяц, а из дней самыми счастливыми считались воскресенье и вторник. Только в те годы, когда на вторник приходился день избиения младенцев (28-го декабря), место вторника занимал понедельник, так как вторник, при указанном условии, оставался несчастливим днем в течение целого года. В деревнях Средневековой Германии господствовало широко распространенное и у нас суеверие, по которому май месяц считается безусловно неблагоприятным для вступления в брак. У нас в различных общественных слоях существует убеждение, что лица, вступившие в брак в мае месяце, будут „маяться“ всю свою жизнь, а тогда веровали в то суеверное положение, что майский брак непременно должен повлечь за собою скорую смерть одного из молодых. Такое же несчастье должен был повлечь за собою брак, совершенный в то время, когда в каком-нибудь из домов местной деревни находился еще несхороненный покойник. Впрочем, последний обычай — избегать совпадения свадьбы с наличностью непохороненного мертвеца — не требует никаких особенных объяснений. Он ясен сам по себе: население деревни немногочисленно; большею частью все обитатели её состоят друг с другом в более или менее близком родстве, и со-

бытие, происшедшее в одном доме, является событием для всей деревни; почти вся деревня участвует так или иначе и в похоронах своих односельчан, и в торжествах веселого, отрадного характера. При таких условиях немислимо это совпадение торжества печального с торжеством радостным, как немислимо это совпадение в среде близких друг к другу людей, живущих под одною кровлей небольшого жилища. — Если в крестьянской семье было несколько дочерей, выдача их в замужество совершалась в известном порядке, с соблюдением старшинства: младшая дочь не могла выходить замуж раньше старшей. Суеверие, как тонкая сеть, окутывало человека и вселяло в душу его бесконечный ряд всяких опасений. невеста должна была опасаться злых чар, которые грозили ей на каждом шагу. Так, напр. до свадьбы — по суеверным представлениям — ей не следовало выходить из дому в продолжение восьми дней. Когда её вещи привозились на телеге в её будущее жилище, телегу разгружали только друзья и знакомые, так как чужой человек мог заколдовать их и тем принести большой вред молодым. перед отправлением в церковь невесте необходимо спрятать на себе монетку; обыкновенно, в таких случаях девушки клали себе ее в башмак, в правый чулок или вплетали в волосы. Если жених выезжал на конях, под ноги последних кидали новый горшок, который они и разбивали своими подковами, так как черепки — по тогдашним да еще неполне исчезнувшим и в наше время представлениям — приносят счастье. Это верование — остаток от языческих времен, когда после жертвоприношений жрецы разбивали употреблявшиеся при них сосуды, что сулило благополучие. Нередко того и другого из новобрачных, при выходе из дому, заставляли переступить через головню, нож, топор и

метлу. При выходе из дому невеста подавала самому бедному человеку в деревне пирог и несколько денег. Если до церкви было далеко, и молодым приходилось не идти пешком, а ехать, невеста должна была сидеть в телеге на соломе, которая считалась в данном случае прекрасным средством от сглаза. Но, разумеется, если церковь находилась в самой деревне, то и молодые, и провожатые шли в нее пешком.

Весело движется свадебная процессия по дороге, окаймленной двумя рядами деревьев, в церковь. Эти пестрые наряды, под лучами солнца, ярко светящего из глубины голубых безоблачных небес, производят сами по себе впечатление чего-то радостного, торжественного. У каждой из девушек свешивается с пояса шнурок, на который надето небольшое круглое зеркальце в резной деревянной оправе; у невесты даже в резной раме из слоновой кости. Собственно, для устранения дурных примет, невесте следовало бы плакать, но слезы у неё затаились так далеко, так далеко, что она никак не может вызвать их наружу. Впереди процессии идут музыканты с тамбуринами и гремят на всю деревню: чем больше шума, треска, тем лучше; этот шум также способен отгонять злые чары. Впрочем, злой человек может и теперь повредить молодым и даже испортить всю предстоящую им жизнь: стоит ему только связать хвостами двух кошек, притаиться где-нибудь под кустом и, когда процессия приблизится к нему, пустить их через дорогу, поперек пути новобрачных. Но ничего подобного не случилось. Процессия без всяких невзгод подходит к церкви, которая весело приветствует ее звоном своего единственного колокола; понамарь не скупится, побуждаемый верным расчетом на угощение.

Но и святое место, по народным представлением, не защищало от сглаза и порчи, от всяких грядущих



Крестьянская свадьба.

щих бед. Невеста должна была вступить в церковь правой ногой, во время венчания молодые должны были стоять возможно ближе друг к другу, иначе между ними могли проскользнуть чары, в которых принимали участие не только злые люди, но и сам дьявол. Что последний — по народным представлениям, господствовавшим в средние века — не страшился церковных или монастырских зданий, в этом можно убедиться хотя бы из следующей легенды. В одном аббатстве молодой монах исполнял обязанности ризничного и в то же время имел главное наблюдение за производством работ по украшению храма. Стены его покрывались рельефными изображениями, представлявшими ад и рай. Между прочими изображениями следовало представить дьявола, набрасывающегося на свои жертвы. Увлекаемый религиозным рвением, монах сам принялся за работу и сделал такую страшную и гадкую фигуру дьявола, что она наводила ужас и чувство омерзения. Дьяволу ужасно не понравился поступок молодого ризничего. Он явился ему во сне и потребовал, чтобы он разломал статую и сделал другую, менее безобразную. Молодой монах не слушался дьявола, хотя последний сделал ему целых три предостережения. Тогда дьявол, не смущаясь ни святыней монастырской, ни религиозностью молодого монаха, навел на него чары, заколдовал его. Монах полюбил молодую даму, жившую неподалеку, и, побуждаемый ей, решился бежать из монастыря, но не с пустыми руками, а захватив сокровища монастырской ризницы. Конечно, тот же дьявол устроил так, что беглеца накрыли и подвергли тесному заключению. Опозоренный, лишенный свободы, молодой инок страдал невыносимо: этого-то и нужно было дьяволу. Он проникнул в монастырскую темницу и снова стал предлагать ризничему сломать сделанную им статую и заменить

ее другою, обещая за это освободить его от всяких невзгод и вернуть ему его прежнее положение в монастыре. Ризничий дал торжественное обещание. Тогда сатана освободил его от оков и привел его в келью. Когда на утро монахи нашли бывшего ризничего спокойно почивающим в своей постели, а после его пробуждения слышали решительное отрицание всего происшедшего, они изумились и направились в темницу. Что же тут предстало перед ними? Они увидели самого сатану в цепях; он потешился над ними, показал им различные штуки и скрылся, как будто его и не бывало вовсе. Монахи решили тогда, что все происшедшее — только наваждение злого духа, что на самом деле ничего не произошло, что их ризничий по-прежнему чист душою. Ризничий, вернувший себе прежнее положение, исполнил данное сатане обещание и заменил безобразную статую другою, которая удовлетворила дьявола. Рассказ этот предлагался вниманию рыцарства и горожан. Рыцари и особенно горожане потешались, слушая подобные рассказы, а народ еще долгое время относился к ним с полною верою. Крестьянство, освободившееся от более тяжелых повинностей, налагаемых на него феодальными сеньорами, еще долгое время не могло освободиться от ига суеверия, которое в известной степени тяготит его и в настоящее время. Но современное суеверие уже далеко не так многосторонне, как средневековое.

Суеверные приметы требовали, чтобы молодые возвращались из церкви не той дорогою, которой шли в нее. Впереди процессии обыкновенно выступали те же музыканты; она возвращалась из церкви так же шумно, как шли в нее. Вступают в свой дом молодые опять-таки с соблюдением тех же церемоний, которые соблюдались при выходе из него. Им подают две кружки вина, после чего эти кружки обхо-

дят присутствующих, а потом разбиваются в дребезги, при чем невеста перекидывает свою кружку через голову. Еще в подвенечном платье новобрачная идет в стойла, где и раздает скоту корм. В самом непродолжительном времени все садятся за стол или, лучше сказать, за столы; при этом строго наблюдается, чтобы за одним столом не садилось тринадцати человек — примета известная и у нас. На стол ставятся обильные яства — горох, капуста, ячмень, чечевица, колбасы или что-нибудь в том же роде. Обед совершается обычным, уже описанным нами порядком.

После обеда двое из наиболее зажиточных крестьян присаживаются к невесте и начинают принимать подарки, подносимые присутствующими молодым. Чего тут только нет? И деньги, и зеркальце, и пояс, и кружка, и гребень, и веретено, и куртка, и шляпа, и деревянная палка; не полагалось только дарить молодым ножей и даже ложек. Оба крестьянина по окончании приношений считают их и определяют их примерную стоимость. Отец молодой благодарит присутствующих и приказывает играть пришлому музыканту. Не остается без подарков и последний. Но, Боже мой, чем дарят этого странствующего бедняка! Можно сказать, что в большинстве случаев ему сбывают то, что следует сбыть с рук. „Возьми себе эту куртку, — говорит один — ей нет еще и восьми лет: она еще очень хороша, вот рукава только плохи, да дырочка спереди, а кроме этой дырочки, все остальное в исправности". Другой дарит ему шляпу, которую сам купил десять лет тому назад за четыре медных монеты: третий — большую курицу. Все берет бедняга: и старый плащ, и старые башмаки, и пару полотенец.

После обеда все, кто в силах, идут плясать под

большую деревенскую липу, где царит вольное, ничем не стесняемое веселье, вольное обращение, сильно смущавшее матерей, дороживших будущностью своих дочек. Если вздумает совсем некстати, пойти дождик, от него спасаются в овины: и там то же веселье, тот же непринужденный пляс.

Нередков в празднествах, подобных описанному нами, принимали ближайшее участие и рыцари. К числу таковых принадлежали: Нейдгарт, Штейнмар, Готфрид фон Нейфен и друг. Поэтические произведения первого из упомянутых лиц представляют один из лучших источников для ознакомления с бытом немецкого крестьянства в XIII столетии. Между рыцарями, посещавшими деревни, и их обитателями происходили нередко жестокие ссоры, заканчивавшиеся увечьями. Вообще, резкие переходы от необузданного веселья к необузданному же раздражению, от веселых танцев к дикой расправе с оружием в руках представляют характерное явление средневековой деревни, да впрочем, и не одной только деревни. Однако, несмотря на такие столкновения, бывали случаи, когда рыцари, как говорится, льнули к крестьянам, особенно обедневшие рыцари, стремившиеся поправить свои дела женитьбой на дочерях зажиточных мужиков или выдачей своих родственниц замуж за богатых крестьянских сыновей. У одного из средневековых поэтов (Гуго фон Тримберга) есть рассказ на эту тему, который мы и приведем здесь частью в извлечении, частью в пересказе. Подходит бедный рыцарь к крестьянскому дому и вступает в разговор с его хозяйкой.

Рыцарь. Здравствуй, тетушка! Дай тебе Бог всего хорошего! Как ты поживаешь?

Крестьянка. Хорошо, милый господин.

Рыцарь. Ты не знаешь меня?

Крестьянка. Нет, милый господин.

Рыцарь. А ведь я — твой племянник. Жива ли еще моя тетушка, твоя сестрица Гедвига?

Крестьянка. Да, я ее еще вчера видела.

Рыцарь. А как поживает твой сынок Рупрехт?

Крестьянка. Хорошо. Он теперь — оруженосец, у него первый меч, высокая шляпа, две железные перчатки; он — первый запевало на всех наших сходках, на которых собираются поплясать; все его любят.

Скупая на слова крестьянка не шадит их, когда речь зашла об её родном сыне, чтобы расхвалить его; очевидно, её сын — её гордость.

Рыцарь. Я знаю одну молодую девушку, дочь моего брата; мы бы выдали ее замуж за твоего сына.

Крестьянка не прочь устроить предлагаемый брак и обещает „наделить своего сына лучше”. — Хорошо, милая тетушка, говорит в заключение голодный рыцарь, скоро наступит ночь, и мне следует поторопиться с отъездом. Дай-ка корму моему коню, а мне приготовь курицу. Да забери как-нибудь с собою своего хозяина и приходите ко мне, чтобы поговорить о деле. — Угостив своего коня и сам насытившись, бедный рыцарь уехал в свою „Голодную долину”. По словам поэта, в этой долине „частенько танцевали и водили свои хороводы мыши, но только после того, как они насыщались в каком-нибудь другом месте”. через семь дней после описанного свидания рыцаря с крестьянкой, последняя навещает его; вместе с ней отправляются её муж и сын Рупрехт. Они захватывают с собою четыре сыра да две курицы. Туда же приходит и разряженная невеста. Дело идет хорошо, и свадьба устраивается.

История Гельмбрехта.

Лучшим и почти единственным в своем роде источником для ознакомления с бытом немецкого крестьянства и важнейшими типами, среди него появлявшимися, служат произведения рыцарских певцов, из которых первое место принадлежит *Нейдгарту* (Neidhart von Reuenthal), жившему в XIII столетии. Большую часть своей жизни он провел среди крестьян, и во всех его поэтических произведениях отражается крестьянская жизнь. Зажиточное крестьянство южной Германии стремилось в ту пору родниться с дворянами, подражало им, тянулось за знатью. До того времени крестьяне носили рубахи из грубого холста, длинные кафтаны из серого грубого сукна, стягивавшиеся поясом, полотняные шаровары, неуклюжие сапоги, поярковые шляпы и рукавицы. Только в воскресные и праздничные дни крестьяне надевали на себя цветное платье. Но постепенно нравы их начали изменяться. Дети и внуки старых поселян стали щеголять костюмами из тонкой материи, разнообразных ярких цветов, модного покроя: и в деревнях показались узкие кафтаны с блестящими пуговицами с огромными рукавами, с бубенчиками по швам, франтовские сапоги, красные шляпы; крестьянки стали носить у пояса мешочки с духами, украшать головы павлиньими перьями. Само собою разумеется, что перенимались не только покрой, цвет, материал платья, перенимались обычаи, манеры, язык. Народился новый тип. Неодобрительно относились к этому типу старые крестьяне. Между молодым поколением и старым скоро обнаружилось новое различие; старики смотрели на жизнь, как на труд, а молодежь стремилась к веселью и праздности, к легкой наживе. Деревенские

парни, наряжаясь господами, отправлялись в ближайшие города, где бражничали с дворянчиками, со странствующими рыцарями, проматывая там отцовские денежки. Дело в том, что в эту пору в Германии стало сильно падать и рыцарство: наступил мятежный период междоусобицы, господства грубой силы, пере рождение многих рыцарей в разбойников. Эта переходная, необыкновенно интересная эпоха прекрасно отразилась в эпическом стихотворении одного странствующего певца, *Вернхера* (Wernher der Gartner). Его стихотворение „Мейер Гельмбрехт“, помимо указанного значения, отличается поэтическим колоритом.

Действие происходит в южной Германии, а именно в Баварии. Жил здесь старый поселянин — Мейер Гельмбрехт. У него было двое детей: сын Гельмбрехт и дочь Готелинда. Сын был красивый малый. Его белокурые волосы ниспадали до самых плеч: юноша ухаживал за ними и носил на голове красивую шелковую шапочку, на которой были вышиты голуби, попугаи и др. изображение. Разукрасила эту шапочку своей работою одна монашенка, бежавшая из монастыря. Она, между прочим, научила сестру молодого Гельмбрехта шить и вышивать, чем премного угодила и дочери, и матери. Обе они души не чаяли в молодом Гельмбрехте и наряжали его, как куклу. Он носил одежду из тонкого полотна, его красивый кафтан из синего сукна был украшен золотыми, серебряными и хрустальными пуговицами, увешан бубенчиками. Все преимущества этого кафтана обнаруживались вполне в то, время, когда молодой Гельмбрехт пускался в пляс: пуговицы блестели, а бубенчики звенели, когда владелец их выделывал разнообразные прыжки среди веселого общества.

Загордился крестьянский сынок и стал мечтать о рыцарстве.

„Я хочу теперь — обратился он к своему отцу — отправиться ко двору; окажи мне какое-нибудь вспоможение”.

— Я куплю тебе быстрого коня, который мог бы перескакивать через изгороди и рвы, — отвечал отец — но брось, дорогой сын мой, мысль о поездке ко двору. Придворные обычаи тяжелы для того, кто не привык к ним с молодых лет. Возмись-ка за плуг да примись за обработку земли. Веди жизнь, какую веду я, пей воду вместо того, чтобы пить вино, добытое грабежом; ешь нашу пищу и веди себя безукоризненно...—

Напрасно отец отговаривает своего сына, указывает ему на выгодную партию, предлагая жениться на дочери крестьянина Рупрехта; сын решительно отказывается оставаться долее в деревне и вести крестьянскую жизнь; все эти грязные деревенские работы повредят его локонам, его вышитой шапочке, его щегольскому кафтану: да и жениться он вовсе не хочет; семейная жизнь сделает его праздным, а он стремится к деятельности. Видя, что все его увещания не приводят ни к чему, отец покупает своему Гельмбрехту коня и отпускает его со словами: „я не могу тебя боле удерживать, я отпускаю тебя, но предостерегаю еще раз: береги, красавчик, свою шапочку и свои кудри... Мне снилось, что ты шел, опираясь на палку, с выколотыми глазами; мне снилось еще, что ты взобрался на дерево, а над тобою сидели на ветви ворон и ворона... Я раскаиваюсь в том, что вырастил тебя”. Гельмбрехта не тронули и эти прощальные слова: он покинул родительский кров.

Он поселился у одного рыцаря, занимавшегося разбоем, в замке, стоявшем на высокой горе. Этот рыцарь охотно принимал к себе на службу молодых людей, подобных Гельмбрехту. Скоро молодой Гельмбрехт выделился своим бессердечием, жадностью и

разбойническими приемами из среды всех остальных разбойников. Он не шадил никого и ничего: увозил коня, барана, уносил плащ, кафтан уносил и прятал в свой мешок даже то, чем его товарищи пренебрегали. Так прошел целый год.

Тогда он стал задумываться о своем отце, о доме своих родных: его тянуло к ним. Он взял отпуск у своего рыцаря и поехал домой. Все" ему обрадовались. Слуга и служанка его родителей обратились, было, к нему с прежним сердечным и простым приветствием: „добро пожаловать, Гельмбрехт", но когда заметили, что такое обращение не нравится ему, то изменили его форму и приветствовали Гельмбрехта словами: „добро пожаловать, наш благородный господин!" Он ответил им фразу, в которой они ничего не поняли; столько было в ней выражений из незнакомых им языков!



Сеятель (со стар. миниатюры).

Сестра Готелинда бросилась к своему брату, обняла его и горячо приветствовала, но он сразу охладил ее латинским выражением, в котором на самом деле не было никакого смысла. Отца своего он приветствовал по-французски, а мать по-чешски. Общее недоумение. Готелинда приняла своего брата за патера, мать говорит своему мужу: „это не сын наш, а чужеземец", на что озадаченный отец отвечает: „только он очень похож на нашего сына". „Скажи словечко по-немецки — обратился он к своему сыну — так, как говорили наши предки, и тогда я признаю тебя, сам вместо слуги разнуздаю твоего коня". Вместе с тем

он заявил своему сыну, что не намерен угощать чужестранца, который может найти себе приют и угощение у своего господина. Так как было уже поздно, а по близости остановиться на ночлег было негде, молодой Гельмбрехт бросил все свои затеи, перестал корчить из себя иностранного рыцаря и сказал своему отцу: „да, это я, Гельмбрехт, я был когда-то вашим сыном и слугою". Отец все еще не хочет верить и требует, чтобы сын назвал ему по имени четырех волов. Гельмбрехт исполняет требование своего отца и только тогда получает от него приглашение войти в дом: и „ворота, и двери, и комнаты, и шкаф, все для тебя открыто теперь, мой милый сын". На столе появляется все лучшее, что только было у отца: рубленая капуста с хорошим мясом, сыр, жирный гусь, зажаренный на вертеле. жареная курица". Если бы у меня было вино, — сказал отец — мы бы выпили его сегодня, но я предлагаю тебе, милый сын, воду лучшего источника, какой когда-либо вытекал из земли". После этого Гельмбрехт распаковал подарки, привезенные им для родных: отцу — точильный камень, косу и топор, матери — лисью шубу, сташенную им с патера, сестре — шелковую повязку и позумент, отнятый им у какого-то торговца.

Так вернулся молодой Гельмбрехт к своему отцу. Скоро между ним и отцом начались интересные разговоры о старом и новом рыцарстве ¹): и я тоже — рассказывал отец — бывал при одном дворе: я носил туда сыр и яйца и видел там рыцарей.

Они отважны были, честны,
Им были вовсе неизвестны
Те чувства низкие, что ныне
Находим в женщине, в мужчине...

¹ Приводишь некоторые отрывки в своем переводе, который сделан с соблюдением как размера, так вообще и характера оригинала.

Их любимым развлечением были турниры и танцы.
Когда собирались танцевать,

Скрипач проворно выходил,
Смычком по струнам проводил,
И становились дамы в ряд,
Прелестный на взгляд,..
Когда кончались пляс, игра,
Им пели чуть не до утра,
На том же самом месте,
О герцоге Эрнесте.
Забав различных и потех
Довольно было там про всех.

Отец рассказывает далее о стрельбе в цель, о псовой охоте, и приглашает сына рассказать в свою очередь о современном рыцарстве. Сын говорит, между прочим, следующее:

Кто хочет рыцарей найти,
Тот должен по шинкам пойти:
И день, и ночь они все там,
Как будто приросли к местам.
А кто живет по старой моде,
Как вы, отец, иль в том же роде,
Тот ото всех уж отлучен:
Мужчинам так приятен он
И дамскому приятен взору,
Как палачи приятны вору.

Сын горячо заступает за то павшее рыцарство, среди которого он жил, и ярко рисует привлекательные для него опасности разбойнической жизни; он перечисляет при этом ряд грабительских набегов, которые предстоят ему. Отец во время этого разговора узнает имена его беспутных товарищей. „А как же они называют тебя?“ спрашивает он у сына. — Меня они зовут „Глотай деревни“; я — не радость для крестьян; все, что принадлежит им, — мое;

одному я выкалываю глаза, другому рублю спину, того привязываю к муравейнику, этого вешаю за ноги на иве". — Отец говорит на это, что справедливый Бог не потерпит таких преступлений, и вся их шайка попадет в руки правосудия. Это пожелание выводит молодого Гельмбрехта из терпение. До последнего времени — говорит он отцу в сердцах — он постоянно отговаривал своих товарищей от нападений на его дом, теперь они не дадут пощады и ему. Само собою разумеется, что после таких разговоров сын не хочет оставаться доле в доме своего отца.

Неразумная сестра Гельмбрехта, Готелинда, увлечена его рассказами. Прежде чем покинуть снова и на этот раз навсегда родительский кров, он советует ей бросить грязную крестьянскую жизнь, иначе ей придется всю свою жизнь „разбивать глыбы земли, трепать лен и копать ямы". Он обещает выдать ее замуж за одного из своих товарищей „Глотателя ягнят" — Леммершлинга. Увлекаемая преступным братом, Готелинда мечтает о том, что у ней „будет всегда трещать сковорода, шкафы будут переполнены, пива наварено и вина наготовлено вдоволь". Врат обещает прислать за сестрой особого посланца и покидает отчий дом. Когда он передал своему товарищу о согласии Готелинды выйти за него замуж, тот в восторге целует ему руку и кланяется в ту сторону, где живет Готелинда, тому ветерку, который веет от её жилища.

Готелинда ждала не напрасно; посланный приехал за нею, и она прибыла с ним в разбойничье гнездо (см. рис. на стр. 111). Гельмбрехт отдает ее своему товарищу с следующими словами: „ты заживешь с нею хорошо, она — верна; коли ты возьмешь ее, будешь жить беззаботно: пока ты будешь висеть на виселице, она будет отбивать тебя рукою и проводит тебя до

могилы на перекрестке; целый год она будет бродить вокруг неё по ночам с благоуханьями и миррой и окуривать твои кости; коли ты будешь ослеплен, она будет повсюду водить тебя за руку, по всем путям и тропинкам; коли у тебя отнимется нога, она каждое утро будет приносить к твоей постели костыли; коли руки отнимутся, она до самой смерти будет тебе резать мясо и хлеб". жених обещает подарить своей невесте, в качестве утреннего дара, три мешка тяжелее свинца, с полотном, покрывалами, юбками, рубахами, желтою материей, темною тканью, соболями шубами, крытыми алым сукном. перед свадьбой учинили разбой; к дому жениха навезли всякого добра. Собрались разбойники. Старик ввел молодых в круг и трижды спрашивал их, хотят ли они вступить друг с другом в брак? После этого все

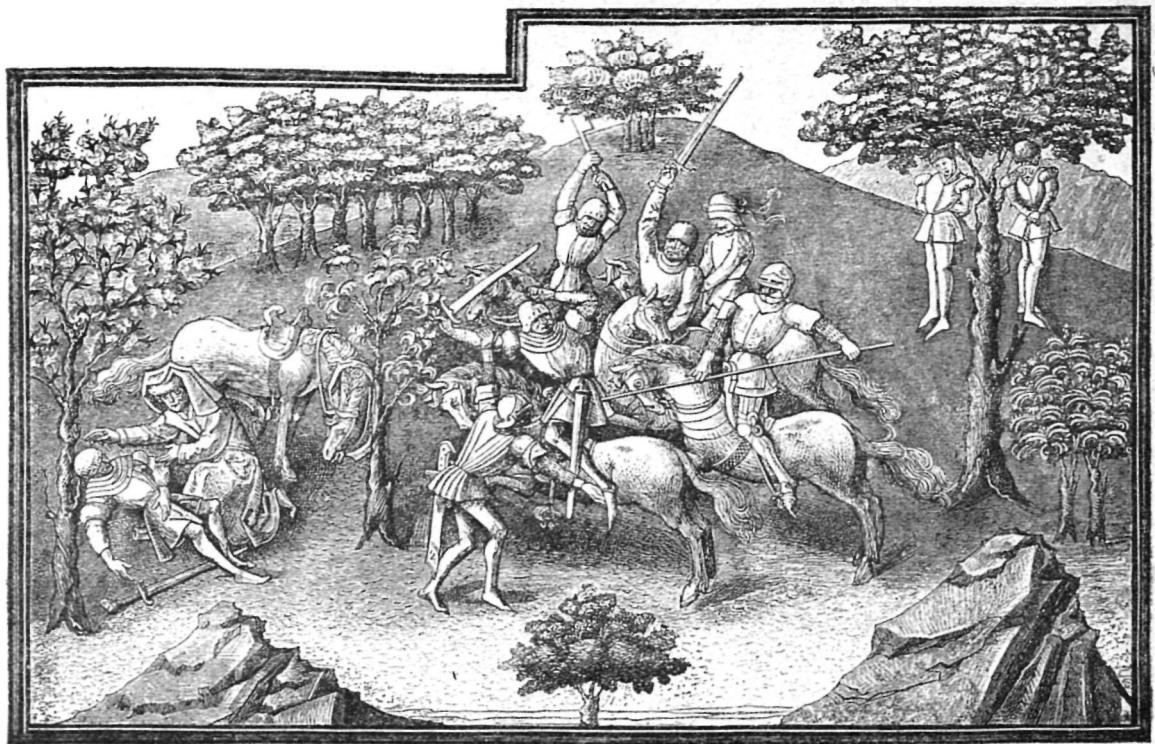


Похищение (со стар. миниатюры).

окужающие запели брачную песню, жених наступил, по обычаю, невесте на ногу, и начали брачный пир. Что ни подавалось на столе, все исчезало с необыкновенною быстротою. Едва остались косточки для собак. Это — нехорошая примета; по древнему народному поверью, так едят люди, конец которых близок. Вот почему приуныла Готелинда и стала плакаться: „увы! нам предстоит близкое несчастье, мне так тяжело на сердце! Зачем покинула я отца с матерью? Кто хочет слишком многого, получит мало, и жадность увлекает его в адскую бездну". Отобедали, жених с невестой одарили музыкантов, как вдруг среди

разбойников появился судья с пятью спутниками. Началась борьба, завершившаяся победой исполнителей закона: „как бы ни был смел разбойник, хотя бы целое войско разбил, а против судей он безоружен". На разбойников напал ужас: одни попрыгали под скамьи, другие залезли в печи, но все были переловлены. Готелинду нашли потом у одного забора, но уже лишенную уборов, перепуганную, опозоренную. Девятеро из разбойников были повешены, десятому была оставлена жизнь, и то был наш Гельмбрехт „Глотай деревни". Но отпустили его после страшных истязаний; его ослепили, отрубили ему руку и ногу; то была личная месть одного из стражников за отца и мать, убитых Гельмбрехтом.

Преступный, жестокосердый сын был приведен в таком ужасном виде к дому своего отца. Последний, с своей стороны, обнаружил неумолимое жестокосердие; он встретил своего сына злыми насмешками и отказал ему в приюте, хотя несчастный просил приюта уже не как сын, а как неимеющий пристанища бедный слепец. „Если вы не хотите принять меня, как сына, — говорил он — позвольте мне вползти в ваш дом, как несчастному человеку; ведь, вы пускаете же к себе больных бедняков. Если вы не жалитесь надо мною, мне нет более спасенья, так как крестьяне злы на меня". — Вы так кичливо бросили меня — отвечал отец. Были сердца, тосковавшие по вам. Многие крестьяне лишились из-за вас своего имущества. Вспомните о моем сновидении. Слуга, — обратился старый крестьянин к работнику — запри двери, засунь засов; я хочу иметь сегодня ночью покой. Скорей я готов принять совсем чужого человека, чем дать ему кусок черствого хлеба. — После этого отец, сердце которого разрывалось от боли, ударил слугу, приведшего к нему сына, и сказал ему: —



Истребление разбойников.

уведи его от меня, его ненавидит солнце; я ударил бы его, если бы не считал зазорным ударять слепца. — Мать сжалилась и дала ему кусок хлеба, как бедному ребенку.

Отвергнутый отцом Гельмбрехт бродил по окрестностям, пока не попался в лесу в руки крестьян, рубивших там дрова. Все они были его врагами, так как он нанес какое-либо горе каждому из них: у одного пожег хижину и расхитил все добро, у другого жестоко оскорбил дочь, у третьего увел корову. Один из них весь задрожал от ярости, как виноградная лоза от порыва ветра, и крикнул: „я убью его, как курицу: обкрадывая меня, он запихал в свой мешок моего спящего ребенка, а когда тот, проснувшись, закричал, он выбросил его в снег так, что мой ребенок умер". С Гельмбрехта сорвали красивый головной убор и разорвали его в мелкие кусочки, которые и развеяли по дороге. После этого велели ему приготовиться к смерти, положили ему в рот шепотку земли и повесили его на ближайшем дереве. „Он год терпел нужду большую, пока не умер от петли" ¹⁾).

С грабителями, попадавшимися в руки правосудия, поступали вообще очень сурово и даже жестоко. Так напр., граф фландрский Роберт приказал в 1112 году бросить в кипяток, в полном вооружении, рыцаря, ограбившего одну бедную женщину. герцог Альберт Брауншвейгский предписал повесить за ноги графа фон Эберштейна за произведенные им грабежи; после же совершенной над графом казни, герцог приказал похоронить его с почетом, каковой приличествовал лицу графского происхождения.

1) Издан Морицом Гауптом (Haupt) в Zeitschrift für deutsches Alterthum. т. IV.

Деревенские праздники.

Самым веселым из всех деревенских праздников был праздник весны. В глубокой древности весна в глазах народа была богиней и называлась у германцев именем *Ostara*. Самое имя её заключает в себе представление о востоке (Ost), о свете, приходящем с востока, о заре и солнце; от этого-то имени и произошло немецкое название Светлого Праздника, падающего обыкновенно на весну, словом Ostern.

В глубокой древности хор скальдов ¹⁾ обращался к богине весны Остаре с такою молитвой:

Остара, Остара,
Матерь земли,
Сделай, чтоб эти
Пашни цвели,
Чтоб зеленели,
Плод принесли,
Мир им пошли! ²⁾.

Воспоминание о древнем веровании в богиню весны сохранилось до сих пор в различных сагах. Остановимся на одной из них, отличающейся своей прелестью. В Гарце, в развалинах древнего замка, покоится замороженная, дивно прекрасная дева весны. Она выходит из своей темницы лишь только раз в

1) Поэтов-певцов.

2) Ostara, ostara,
der Erde Mutter,
lasse diesen
Acker wachsen
Und grünen,
Ihn blühen,
Früchte tragen,
Friede ihm!

году — в Светлое Христово Воскресенье. В белоснежном своем одеянии она покидает развалины незадолго до солнечного восхода и тихой поступью направляется к ближнему источнику. Здесь она купается, здесь она ждет своего освободителя. Многих она видела, многих она одаряла, но никто из них не мог проникнуть вместе с ней за железную дверь её тесной темницы с низкими сводами. Раз возвращался домой, накануне самого праздника Пасхи, один бедный ткач; ему пришлось проходить близ этих развалин. Он продал в городе свой запас полотна и возвращался к семье с вырученными за него деньгами. Ночь застигла его как раз в этом месте, и он решился заночевать в долине, под открытым небом. Он проснулся рано утром, перед восходом солнца, и увидел на берегу источника деву ослепительной красоты, в белоснежном одеянии, со связкой ключей у пояса. Он стоял, как ошеломленный, пред этим неожиданным и чудным видением. Дева подошла к нему. Он почтительно снял пред нею свою шляпу и приветствовал ее. Она поблагодарила его, чем вселила в него некоторую смелость. „Зачем ты так рано встала — осмелился спросить он — и купалась в этой воде?“ — Я делаю это всегда в пасхальное утро, перед самым восходом солнца, — и оттого я так прекрасна и всегда молода. — "Где же живешь ты, прекрасная?" — Недалеко отсюда; если хочешь, пойдем, — покажу. — Ткач согласился, и чудная дева повела его к руинам, стоявшим на горе. Видел ткач раньше и эту гору, и эти руины, но совершенно не узнал их: все изменилось, как будто под влиянием волшебства. Они дошли до железной двери. Около неё на зеленой траве росли три лилии, и все они были в цвету. Дева сорвала одну из них, подарила ткачу, велела ему снести ее домой и беречь. Ткач поблаго-

дарил ее и заткнул прекрасный цветок за шляпу. Когда после этого он снова поднял глаза, то не видал уже более ни девы, ни железной двери, ни двух оставшихся лилий: пред ним стояли одни руины, печальные, как всегда. Вернулся ткач домой, положил на стол серебряные монеты, вырученные за проданное полотно, положил на него и шляпу с лилией. Когда жена спросила у него, откуда взял он эту лилию, ткач подробно рассказал ей все с ним приключившееся. жена объяснила ему, что это была не простая два, а дева весны — пасхальная два. — что эта лилия не простой цветок, а вся из золота и серебра. Обрадовался бедный ткач, отправился в город к золотых дел мастеру: тот подивился лилии, но отказался купить ее, так как у него не хватило бы для этого денег. Ткач обратился к ратманам, и те не могли купить лилию, но дали бедному ткачу бумагу, с которою тот должен был явиться к герцогу. Герцог взял себе лилию и обязался платить за нее сам, а после своей смерти наказал своим детям платить за нее погодную сумму денег. Герцогиня украшала себя этой лилией в праздничные, торжественные дни, а герцог включил её изображение в свой герб.

У Шиллера есть превосходное стихотворение, как бы навеянное средневековыми сагами о деве весны¹⁾. Вот оно.

В одном пастушеском селеньи,
Где жили дети нищеты,
При первом жаворонков пеньи
Являлась дева красоты.

* * *

1) Привожу его в своем переводе.

И край неведомым остался,
Где эта дева рождена,
И самый след её терялся,
Лишь удалялася она.

Она блаженство сообщала,
Стремилась все навстречу к ней,
Но неприступность отдаляла
Сближенья ищущих людей.

Она с собою приносила
Цветы, что были взрощены
Огнем не нашего светила,
Природой лучшей стороны.

И ручки девы всем делили: —
Плоды одним, цветы другим.
И стар, и молод уходили
С дарами, выданными им.

С приветом всех она дарила,
Но для возлюбленной четы
Дары прекрасней приносила
И ароматнее цветы.

Остатки древних праздников в честь богини весны сохранились в различных местах Германии до настоящего времени. В Гессене (недалеко от Мейснера) возвышается скала в 80 футов высоты; внизу её — пещера. Здесь совершались когда-то веселые весенние празднества. И до сих пор на второй день Пасхи приходят сюда ежегодно парни и девушки из соседних деревень с венками, сплетенными из весен-

них цветов, пьют воду из соседнего источника и уносят ее с собою в кувшинах домой.

Постепенно языческий праздник весны слился с христианским праздником Светлого Христова Воскресенья. Во время Пасхи стали праздновать не только победу Спасителя над смертью, не только Его блистательное Воскресенье, но и победу весны над зимою, победу света над сумраком, тепла над холодом. Именно этот смысл и следует искать в тех обычаях, которые были в силе до недавнего времени и господствовали в средние века. Так например, праздник Пасхи, праздник весны, ознаменовывался, между прочим, зажиганием ярких огней на холмах и горах, особенно в тех местностях, где жили саксы, долее других германских народов оставшиеся верными язычеству. Местные крестьяне делали, кроме того, факелы из молодых буков, расщепляли их в верхней части и закладывали туда стружки; с этими факелами в руках они совершали целые процессии. Занимались также прыганием через костры, скатывали с покатоостей зажженные обручи, а по окончании торжества старались унести с собою остатки факелов, так как думали, что они приносят дому всякое счастье и благополучие. Из других обычаев, совершавшихся в ту же пору, обращают на себя особенное внимание: сжигание зимы, танцы с мечами, борьба между летом и зимой. Первый обычай состоял в том, что сделанную из соломы куклу, которая изображала собой зиму, сжигали на костре, при всеобщих ликованиях. — Танцы с мечами представляли эффектное зрелище. Танцоры, в количестве 16—20 ч., являлись в условленное место в белых шляпах и белых же рубахах; шляпы украшали пестрыми лентами, обвивали ими и руки, а на ноги, как раз над коленями, навешивали бубенчики, которые должны были

производить во время движения своеобразный шум. В руках танцоров находились мечи. Эти танцы были опасны и не всегда кончались благополучно. — Борьба между летом и зимой производилась таким образом. Выступали друг против друга два парня, из которых один наряжался летом, а другой — зимой: лето покрывало себя плющем или барвинком, зима — мхом и соломой. Кончалось дело всегда тем, что побеждало лето. Тогда с зимы снимали её убор, а победившее лето чествовали. Вместо борьбы между двумя парнями устраивался бой двух петухов, из которых один, отличавшийся своей яркой окраской, изображал свет, день, весну, а другой, темный, олицетворял мрак, ночь, зиму.

Своеобразное чествование весны происходило в Нюрнберге. Туда являлись из окрестных деревень крестьянские девушки, разряженные в свои лучшие одежды. У каждой из них был под мышкой небольшой открытый гробик с куклой, изображавшей смерть или, что означало то же самое, зиму. Он ходили по улицам города и монотонно распевали особенные, подходящие к случаю песни. Горожане надеяли их съестными припасами и деньгами.

Еще недавно население пфальцских и швабских деревень выходило в поле для празднования весны. Одни парни обвешивали себя соломой, другие — зеленью; во главе первых стоял зимний король с соломенной короной на голове и деревянным мечом в руках, во главе вторых — летний король, разукрашенный зеленью; первые парни изображали свиту зимнего короля, вторые — летнего. Последние несли на руках изображение весны. Свита зимнего короля прославляла в своих песнях зиму. „Мы изображаем зиму, — пели они — мы мостим пруды и ручьи, мы увешиваем края крыш ледяными сосульками и покрываем снегом

всякую пыль и грязь"... Сопровождавшие летнего короля прославляли лето: „Лето приносит с собой фиалки и всякие цветы, красные и белые цветочки в пестрой корзинке; лето ничего не боится, оно сбросит зиму в грязь, лето сильно, оно сбросит зиму в ручей; милому лету с березками свежими, с цветами различными, все мы рады, рады, рады!" После этого обе толпы вступали в борьбу, которая заканчивалась так



Сговор (со стар. миниатюры).

же, как борьба между двумя парнями, из которых один изображал зиму, а другой — лето. В заключение праздника на холмах зажигали костры, разводили их в поле, затевали вокруг них хороводы, пели веселый песни; все эти костры зажигались без помощи железа: огонь вызывался трением деревянных кусков.

Весну поджидали с нетерпением. Уже в самом начале года, когда совершался солнечный поворот, пелись песни, приветствовавшая ее. И как были рады её наступлению! Кто срывал первую фиалку, тот немедленно оповещал всех о своей находке; „я нашел лето", говорил он (*ich han den sumer vunden*). Найденный цветочек прикреплялся к высокому шесту, шест втыкали в землю и плясали вокруг него. С таким же горячим приветом встречали поселяне первую ласточку, первого аиста и даже первого майского жучка. Наступал вожделенный май, все расцветало кругом. Тогда дома и колодцы украшали свежими березками; парни убирали благоухающую зеленью дома, в которых жили их суженые. Накануне 1-го мая парни выбирали из среды сельских девушек май-

ских королев, парни и девушки давали взаимное обещание танцевать друг с другом в продолжение всего лета, давали друг другу клятву верности, при чем объявлялись женихи и невесты.



Майское дерево.

До сих пор в деревнях, расположенных между Галле и Лейпцигом, местное крестьянское население соблюдает следующий обычай. Несколько десятков молодых людей, наряженных турками или гу-

сарами, разукрашенных цветами и березовыми ветками, отправляются в Троицын день, верхами и на телегах, в недалеко расположенный лес, за Маем. Впереди их бежит или едет гаер, потешающий их своими песнями и прибаутками; за гаером — телега с музыкантами, а за ними — телега с деревенскими девушками. В лесу вырубают молодую березку, привозят ее торжественно на условленное место, водружают там и забавляются танцами, которые происходят вокруг дерева.

Наступал самый длинный летний день. Когда уже совершенно смеркалось, крестьяне зажигали костры на полях и холмах, и даже на горах. Ближайшие участники и участницы праздника, прыгали через костры или через тлевшие уголья: существовало поверье, что такое прыганье содействует развитию здоровья и сообщает всякое благополучие, как напр. урожай льна и т. под. Потом зажигали какое-нибудь дерево. По одну сторону его располагались парни, по другую — девушки; и те, и другие перебрасывались веками, бросали в огонь травы, имеющие какое-нибудь особенное — таинственное или целебное — значение, и приговаривали при этом: „пусть уйдет и сторит вместе с этой травой всякое горе мое“.

Так праздновались весна, её близость, её наступление, её высшее развитие. Сколько искренних, горячих чувств, сколько любви, пламенной любви к природ сказывалось в этих празднествах! Народное веселье невольно привлекало к себе, увлекало и знатных людей, и нередко в таких празднованиях принимали участие даже владетельные особы.

Празднование другого великого христианского праздника, Рождества Христова, совпало с языческим праздником зимнего солнцеворота, поворота, как говорят, зимы на лето. Это и был первый народный

праздник, начинавший праздничный год, приветствовавший приближающуюся весну. Он посвящался богу солнца и его супруге, богине Фрейе, и назывался у германцев *Julfest*, что означает „праздник колеса“ (jul-колесо). Здесь разумелось, конечно, солнечное колесо, солнечный диск. Этим-то и объясняется обычай скатывать с отлогостей горящие колеса в праздники, посвященные солнцу. И на Рождестве зажигали по деревьям костры совсем так же, как в Пасху или в Иванову ночь. Весело трещал огонь в просторной печи крестьянского дома, перед ним собиралась вся семья — и убеленный сединами старец, и цветущий ребенок; весело пелись рождественские песни, сказывались рождественские рассказы. До сих пор в Англии торжественно поддерживается в рождественскую ночь огонь в камин, и собравшаяся перед ним семья поет рождественскую песнь. В Англии, Швеции и Норвегии долгое время сохранялся обычай зажигать на Рождестве обручи и скатывать их с отлогостей, в Германии же укоренился достигали большего развития и широко распространившийся обычай зажигать елку, предварительно украсив ее яблоками и орехами, бывшими в древнейшие времена предметами языческих жертвоприношений; сам обычай золочение орехов указывает на глубокую древность, на языческую пору, когда быкам, приносившимся в жертву, золотились рога.

Характернейшим из рождественских обычаев было хождение со звездой. Три мальчика наряжались царями; один из них вымазывал при этом свое лицо сажей, так как должен был изображать царя мавританского. Этот-то мавританский царь ходил в сопровождении своих товарищей из дома в дом со звездой, укрепленной на конце длинной палки или на верху особого прибора, состоявшего из нескольких,

скрепленных друг с другом продолговатых дощечек, которые могли или сблизиться, или разделиться, при посредстве простых шарнир ¹⁾): К концу прибора, кроме звезды, приделывалось еще иногда изображение замка, которое, для упрощения дела, вероятно, рисовалось и в середине большой рождественской звезды. В одно из замковых окон смотрит на дорогу Ирод, а по дороге идут три маленьких царя; они направляются к яслям, в которых лежит Младенец Иисус, а вокруг которых виднеются изображение Иосифа и Девы Марии, а также маленького вола и осленка. Иногда все эти изображения вырезались и прилаживались таким образом, что могли передвигаться. Они служили как бы иллюстрацией для рождественских песен, распевавшихся колядующими. Вот одна из таких песен ²⁾:

Не для потехи мы пришли.
 Господь вам добрый день пошли,
 Пошли вам радостей, утех,
 Что уготовал он про всех!

* * *

Грозил беды нам, когда
 Мы шли дорогою сюда;
 Мы проходили по горам,
 Звезда в пути сияла нам.

* * *

Пришли мы к Ироду. Сейчас
 Он из окна увидел нас,
 И спросил он нас тогда:
 „Откуда путь ваш и куда?„

¹⁾ Всем, конечно, известна простая и дешевая игрушка, представляющая деревянных раскрашенных солдат, которые могут сдвигаться и раздвигаться. В таком же роде был и упомянутый прибор.

²⁾ Перевод сделан мною с полным соблюдением всех особенностей оригинала.

Мы отвечали на вопросы
 — Мы в Вифлеем идем; Христос
 От Непорочной Девы в нем
 Родился, мы к нему идем,
 * * *

И нас ведет туда звезда. —
 Нам Ирод говорит тогда:
 „Остановитесь у меня,
 „Всего-то вдоволь дам вам я!"

— Ах нет, ах нет, мы так спешим,
 Чтоб помолиться перед Ним:
 Ребенок чудный, нежный тот
 Нам радость, счастье принесет. —

„Когда увидите его,
 „Вы мне поведайте про то:
 „Хочу туда пойти я сам
 „С молитвами, подобно вам".

Остановились мы, когда
 Остановилась звезда,
 Мы ясли видели в углу
 И пели Господу хвалу.

Такие песни заканчивались пожеланиями долгой жизни хозяевам, приютившим славящих Христа. Иногда эти заключительные строфы были многочисленны, так как славящие обращались к каждому члену семьи в отдельности. Кроме того, были в ходу „песни пастырей" (Hirtenlieder). В одной из них говорится о внезапном пробуждении пастухов в самую полночь, о пении ангелов, потом о быстром приходе пастырей к Господнем яслям. В следующих строфах описывается обстановка, среди которой лежал в яслях Младенец Христос. Особенно хорошо следующее

место этой песни: „О, Боже Всесильный, какой же там холод! Там можно замерзнуть и жизнь потерять! Как жаль мне Младенца. Какой резкий ветер! А мать как бедна! Смилуйся, Боже, над нею! У ней нет котелка, чтобы сварить что-нибудь малютке; у ней нет ни муки, ни сала, ни молока, ни соли!"

В романских странах, сперва в церквах францисканских монастырей, а потом и во всех церквях, а следовательно и сельских, устраивались ясли: в яслях клалось изображение Христа Младенца, около них ставились изображение Пресвятой Девы и Иосифа, а также и неизбежные фигуры домашних животных. Можно себе легко представить, с каким чувством посещали крестьяне храм Божий в рождественские праздники, как благоговейно смотрели они на ясли, освещенные множеством свечей, какое светлое впечатление уносили они домой! Так ярко представляла им церковь ту бедную обстановку, в которой родился Спаситель мира, и которая была так похожа на обстановку, окружавшую их самих! Это изображение резко отпечатлевалось в их памяти и приносило им величайшее утешение, облегчало их нелегкую долю.

В средние века в церквах совершались по большим праздникам религиозные представления или так называемый *мистерии* ¹⁾, изображавший в лицах то или другое празднуемое событие, но трудно предположить, чтобы они совершались причтами, так как последние не обладали для этого достаточным количеством духовных лиц.

Обычай дарить в период рождественских празд-

¹⁾ Самое слово „мистерия" происходит не от греческого *μυστήριον* (тайна), как иногда ошибочно представляют себе, но от латинского *ministerium* (служба, церковная служба, литургия). О мистериях см. „Средневековый город".

ников имеет древнейшее происхождение: начало его коренится, может быть, еще в языческой поре. По



К поверью о св. Николае.

старым, языческим верованиям германцев, в ту пору, на которую приблизительно падает праздник

Рождества, разъезжал по земле в сопровождении своей супруги бог Один и всюду изливал различные благодеяния, раздавал дары свои. Это верование впоследствии изменилось под могучим влиянием христианской религии, но не исчезло совсем. Еще до сих пор широко распространено в различных странах Западной Европы и заставляет сильно биться маленькие детские сердца поверье о святителе Николае и его слуге Рупрехте. В первых числах декабря, а также и в пору святок, святитель разъезжает, в сопровождении своего слуги, с корзиной, в которой лежат подарки для детей и добрых людей. Невыразимой прелести полно сказание о том, как св. Николай спас трех молодых девушек: им грозила страшная участь; отец, живший в бедности, хотел продать их в неволю; тогда святитель положил в их горницу, через раскрытое окно, горсть золотых монет и тем спас душек. Поверье, о котором мы говорили, передается в разных местностях с разными вариациями: иногда, если принять их во внимание, разъезжает не сам святитель, а только слуга его.

Как в современных деревнях, и наших, и иностранных, так и в средние века, а тогда еще и в большей степени, были распространены различные гадания, в которых принимали участие преимущественно молодые люди. Если по народным представлениям, образовавшимся в глубочайшей древности (о чем свидетельствует предание об Одине и его супруге Фрейе), в эту пору ниспосылается свыше благословение, нисходят дары, то совершенно естественно возникал у суеверных людей вопрос: что же мне будет даровано? что я получу? какова будет судьба моя? Чтобы получить ответ на него, обращались к гаданиям. Гадания в средневековой деревне были почти те же, что и в современной. Деревенские де-

вушки, собравшись в тесный кружок, при колеблющемся пламени печи, топили олово и, погрузив его в холодную воду, следили за тем, какие формы принимает оно; сообразуясь с ними, они и гадали о своей судьбе. Бросив одно гадание, они обращались к другому. Желая узнать, кто из них раньше других выйдет замуж, они притаскивали в комнату гуся, завязывали ему глаза и ставили его посреди комнаты, а сами становились вокруг него, ожидая, к которой из них подойдет гусь раньше? С каким сердечным трепетом ожидали они этого! С какою завистью смотрели на счастливицу! К которой из них прежде всего подходил гусь, та раньше остальных, как думали они, выйдет замуж. Существовал еще способ гадания о браке. Молодые люди, как парни, так и девушки, собирались в одну горницу, но перед тем они усыпляли курицу и клали ее посреди горницы. Установившись в кружок попарно, молодые люди поджидали пробуждение курицы. Когда проснувшаяся курица пробегала между парнем и девушкой, стоявшими рядом друг с другом, это считалось верным знаком того, что соседи вступят между собою в брак в течение года. Крестьянские девушки, как в самый рождественский вечер, так и в вечера, предшествовавшие Рождеству, подходили с биением сердца к печным трубам и прислушивались к шуму, в них происходившему. Если им слышалась музыка, для услышавшей ее она предвещала скорый брак; если же которой-нибудь из них слышался колокольный звон, это предвещало ей скорую кончину. Но гадали не только о любви и браке, гадали о продолжительности жизни, о богатстве. С этой целью брали три горшка; кто-нибудь покрывал одним из горшков щепотку земли, другим — ломтик хлеба, третьим — лохмотья. Загадывающий о своей судьбе

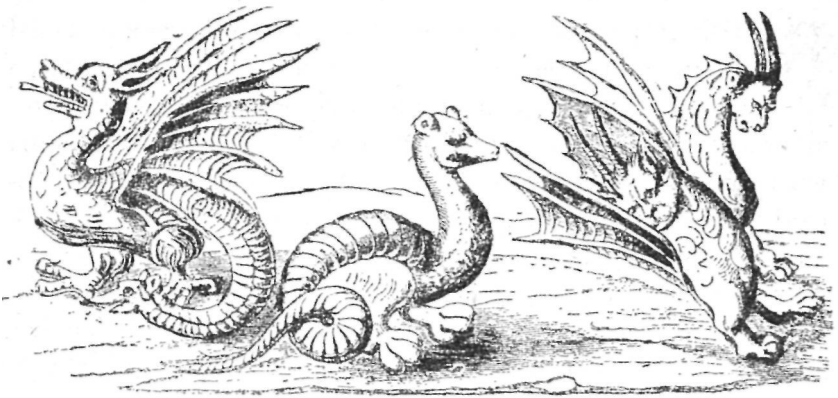
подходил к ним и выбирал который-нибудь из трех горшечков: если под выбранным им горшечком были лохмотья, это обозначало грядущую бедность; если там лежал хлеб, это сулило богатство и довольство; если же горшечек прикрывал землю, это пророчило выбравшему его скорую смерть. Впрочем, вопросом о богатстве задавались конечно, не молодые девушки, а уже пожившие хозяйки. Они старались узнать о своей судьбе таким образом. Наливали водою по самые края блюдо и бросали туда монету. После этого женщина, занимавшаяся гаданием, старались вытащить монету из воды языком. Если ей удавалось сделать это, не проливая слишком много воды, гаданье предвещало прибыль; если же воды проливалось слишком много, гаданье предвещало нужду: как выливалась из блюда вода, так должны были уйти из её дома деньги.

С рождественскою ночью было связано много различных поверий. В самую полночь, по крайней мере, в продолжение трех минут только, всякая вода в колодцах и в реках становится, по народному поверью, вином; в то же время на деревьях вырастают вполне зрелые яблоки ¹⁾). Не всякому удастся зачерпнуть такой воды, а только человеку, отличающемуся своими христианскими добродетелями, угодному Богу. Но тот, кому удалось зачерпнуть такой воды, должен молчать об этом, в противном случае — ему грозит слепота. В ту же ночь, между 11 час. вечера и полночью, может говорить скот, стоящий в стойлах, и не только говорить, но и предсказывать. Но горе тому, кто услышит это, так как ему грозит скорая смерть. Безнаказанно могут слышать это лишь те, которые родились в воскресный день. Де-

¹⁾ In der Christnacht sind alle Wasser Wein und alle Bäume Rosmarein.

тям, родившимся в рождественскую ночь, предстоит счастливая жизнь: им суждено найти со временем клад.

Для того, чтобы обеспечить себе благополучие на весь предстоящий год, следовало накануне Рождества есть известное количество блюд и в числе их непременно определенные блюда, а скатерть с остатками от них вытряхнуть на плодовые деревья, что — по народному поверью — обеспечивало хороший урожай плодов. Есть предположение, что этот обычай вытряхивания скатерти на плодовые деревья был остатком



Огненные драконы.

от той поры, когда приносились языческие жертвы. Чтобы хлеб водился в течение всего года, необходимо оставлять кусок его на столе на всю рождественскую ночь. В эту ночь не следует тушить огня в печи, а все сосуды, предназначенные для воды и стоящие в сенях, должны быть наполнены водою по самые края. Все это сулит полноту счастья и довольства. Остаток свечоча, горевшего в рождественскую ночь, предохраняет дом от удара молнии. Все земледельческие орудия должны быть спрятаны на все время рождественских праздников, но отнюдь не оставляться под открытым небом; в противном случае, им могут

принести вред летающие в эту пору огненные драконы. Во весь период святок в деревнях не работали: не пряли, не стирали белья. До сих пор сохранилось поверье, которое предсказывает смерть одному из членов семьи, стиравшей во время этих праздников.

Фландрский граф и крестьянин.

(Средневековая легенда).

В Гельмбрехте, нами пересказанном, изображены больные, извращенные стремленья крестьянского сына и те печальные последствия, которые вытекали или могли вытекать из них. Но, конечно, типы в этом роде, если они и встречались в жизни, представляли исключение. Большинство крестьянского сословия, как и всякого другого, составляли нормальные, здоровые люди с нормальными и здоровыми стремлениями. Такой здоровый крестьянский тип мы встречаем в той средневековой легенде, содержание которой составит настоящую главу.

Фландрский граф Балдуин IX, знаменитый участник четвертого крестового похода, отличался своими неусыпными заботами о благосостоянии своих подданных. „Здравый смысл — говаривал он — ясно указывает на то, что владетельные особы должны быть поддерживаемы и почитаемы своими подданными, но сами правители, в свою очередь, должны свято уважать и сохранять неприкосновенными права подданных". Желая лично наблюдать за тем, как исполняются его повеления, как судят его судьи, и собирают подати поставленные на то сборщики, Балдуин нередко совершал прогулки и поездки по своему государству, при этом он переодевался, чтобы не быть

узнанным и застигнуть виновных врасплох. Он охотно вмешивался в толпу, беседовал с простыми людьми, что давало ему возможность прекрасно ознакомиться и с достоинствами, и с недостатками подвластного ему народа, а также и с его нуждами.

Как-то был он со своим двором в торговом и богатом уже в то время городе Брюгге. В один из дней, проведенных в этом городе, граф задумал отправиться на одну из таких прогулок. И вот, одевшись очень скромно, захватив с собою



Богатый горожанин у камина и за обеденным столом (со стар. миниатюр).

лишь короткий меч да крепкую палку, сделанную из боярышника, он вышел из своего дворца и, незамеченный никем из царедворцев, отправился по улицам города к его воротам. Оставив за собою городскую стену, он пошел вперед, посетил несколько деревушек, набрел на крестьянскую свадьбу, на которой попировал в качестве гостя и, когда уже заметно стемнело, решил вернуться в город.

Ему оставалось до города каких-нибудь 200 шагов, как вдруг из-за ствола одного из придорожных деревьев выскочили разбойники и преградили графу дорогу. Их было пять человек. Они приняли

графа за купца и, угрожая ему своими длинными мечами, стали требовать от него кошельки. Вместо всякого ответа граф ударил своей палицей по мечу самого дерзкого разбойника так, что меч разлетелся в куски. После этого он взялся за свой меч и громко крикнул, призывая к себе кого-нибудь на помощь. Он оперся о ствол дерева и отражал направлявшиеся против него удары, но, разумеется, он изнемог бы в неравной борьбе, если бы его не выручила неожиданная помощь.



Молотьба (со стар, миниатюры).

Его крик услышал случайно один крестьянин, работавший неподалеку на гумне: он молотил хлеб и, как был, с цепом в руках побежал на крик, невольно повторяя его. Он, разумеется, и не подозревал о том, кто подвергается опасности, но побежал на крик о помощи, побуждаемый чело- веколюбием. Прибежав на место опасности, он стал так искусно работать своим цепом, что в самом скором времени двое из нападавших повалились на землю, а остальные трое обратились в бегство.

Балдуин, освободившись от врагов, поблагодарил своего избавителя и спросил, как его зовут? Из его ответа он узнал, что перед ним — крестьянин по имени Эли (Ely), что он человек бедный и живет вместе со своею женою тем доходом, который доставляет ему поденная работа. Граф заинтересовался судьбою Эли и вступил с ним в дальнейший разговор.

„Я занимаю — сказал он — должность при дворе графа. Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?“

случайно один крестьянин, работавший неподалеку на гумне: он молотил хлеб и, как был, с цепом в руках побежал на крик, невольно повторяя его. Он, разумеется, и не подозревал о том, кто подвергается опасности, но побежал на крик о помощи, побуждаемый чело- веколюбием. Прибежав на место опасности, он стал так искусно работать своим

цепом, что в самом скором времени двое из нападавших повалились на землю, а остальные трое обратились в бегство.

— Вы могли бы оказать мне большую помощь, если действительно живете при дворе господина графа. О, как благословлял бы я тот случай, который дал мне возможность прибегнуть к вашему посредничеству! Но, конечно, это было бы делом только вашей личной доброты: следует поступать по-христиански; я только исполнил свой долг, и вы, если бы увидели меня в подобном положении, сделали бы то же самое.—

„Скажи мне, что же может сделать тебя счастливым? Я обещаюсь не позабыть о тебе“.

— Я человек честолюбивый, продолжал крестьянин шагая рядом со своим повелителем, — и, может быть, то, о чем я хочу просить вас, будет очень трудно исполнить. —

„Кто знает? В чем же дело?“

— Раз нужно будет это говорить, скажу. Я выбежал на ваш крик из фермы, которая заключаешь в себе 24 десятины земли. Со времен покойного графа Балдуина Железной Руки (вечная ему память!) ферма эта составляет часть владений господина графа Фландрского. Мне 60 лет, 30 лет я работаю на ней. Место это прекрасное, и я просил бы... но это уже слишком; вы можете сказать, что я злоупотребляю вашей добротой. —

„Нет, нет, я ничего не скажу, продолжай!“

— Я хотел бы быть фермером той фермы, на которой теперь работаю. Ведь, это не повредит никому, так как последний фермер её уже умер. —

„Что ж? Это можно устроить“.

— Вы думаете? — при этом сердце Эли затрепетало от радости.



Косьба (со стар. миниатюры).

„Приходи завтра ко мне“.

Они подошли в это время к воротам графского замка.

— Где же я могу увидеть вас? — спросил Эли.

„Здесь, в замке“.

— Да меня не пустят в него. —

„Пустяки, спроси лишь графского секретаря: я — его секретарь“.

— Хорошо, отвечал Эли, я приду. —

И они расстались. Сколько радостного чувства, сколько радужных надежд принес с собою Эли! Он сейчас же рассказал обо всем случившемся своей жене: о том, как он услышал крик, как побежал на него, как работал своим цепом по головам разбойников, и как спасенный им человек обещал ему свое содействие.

„Ведь, он — секретарь господина графа“, этими словами Эли закончил свой восторженный рассказ.

— Что же это такое значит „секретарь?“ — спросила у него жена.

„Секретарь?.. гм... гм... да это повыше рабочего на ферме; повыше даже самого фермера... это, должно быть, почти то же, что уездный судья. Хотя одет он просто и совсем не гордец, а говорит, как священник“.

— И ты думаешь, он поможет тебе? —

„Еще бы нет! он живет в самом замке мон-сеньора, он приглашал меня на завтра к себе“.

— И ты пойдешь? — спросила жена не то с недоверием, не то с испугом.

„А отчего же и не идти?.. ведь я попросил у него, чтобы меня сделали фермером“.

— Ну, смотри, — возразила жена, сомнительно поглядывая на самодовольный вид своего супруга, и

наставительно прибавила — кто хочет слишком много, не будет иметь ничего.—

„Полно тебе. Господин граф — благородный государь; он ни в чем не откажет своему секретарю, которому пришлось бы плохо без моей помощи. Нет, жена, я думаю, что завтра ты будешь фермершей”.

Уверенный тон, которым говорил Эли, подействовал на его жену. Когда она легла спать, радостные видения толпились у её изголовья. Она видела своих детей в полном довольстве. Она видела себя обладательницей цыплят, поросят, красивых коров, ягнят, большой житницы с собственным зерном, окороков, висящих у камина, и погребов со всевозможными хозяйственными запасами. На утро она снарядила своего мужа в дорогу. Подойдя к замковым воротам, Эли начал испытывать некоторую робость.



Пропустят ли его? На него навели эту робость два привратника, вооруженные высокими галлебардами. Но напрасно он беспокоился: привратники были уже предв уведомлены об его приходе. Удостоверившись в его личности, они раскрыли перед ним массивную дверь, и наш крестьянин очутился в огромной оружейной зале: стены её были увешаны саблями, панцирями, щитами и копьями. В зале было несколько пажей. Один из них побежал с докладом к графу Балдуину.

Стрижка овец (со стар. миниатюры).

Балдуин вышел. Он был одет по вчерашнему. Взяв крестьянина за руку, он поблагодарил его за доверие.

— О, отвечал Эли, я почти не спал всю ночь. Ведь, если ваше обещание исполнится, это будет поистине небесная милость. —

Подойдя после этого еще ближе к Балдуину, чтобы не быть услышанным никем из находившихся в зале, он продолжал:

— А что? вы имели уже возможность поговорить с монсеньором графом о моем дельце? —

„Ну, конечно. Есть даже большая надежда на успех. А пока оно еще не разрешилось окончательно, не хочешь ли осмотреть замок?“

— Я уж ослеплен им, — отвечал Эли — да разве есть еще что-нибудь? —

Эли в простодушии воображал, что весь замок заключается в этой огромной и блестящей зале. Балдуин улыбнулся и повел своего спутника в другие помещения. Удивлению и восторгам Эли не было пределов.

„А что, — спросил Балдуин крестьянина, рассматривавшего блестящие украшения замка, — не пожелал ли бы ты вместо фермы жить здесь, в этом замке?“

— Может быть, господин, и пожелал бы, если бы я был барином, — отвечал Эли, улыбаясь — но, ведь, это дворец государя, что нам смотреть так высоко? Посмотрим лучше на то, что лежит у наших ног. Что я стал бы здесь делать? Я не рожден для того, чтобы ходить по золоту, и глаза мои не вынесли бы такого блеска. —

„И ты будешь вполне счастлив в своей маленькой ферме?“ спросил Балдуин.

— О, я был бы счастливейшим из людей, если бы обладал ей! А как бы была счастлива моя жена! Я не имел бы над собою никакого другого господина, кроме господина графа фландрского. Раз в году я приходил бы сюда, в это чудное место, чтобы вно-

сить арендаторскую плату. А если бы мне удалось хоть раз повидать самого господина графа, мое счастье было бы безгранично. —

„А ты хотел бы повидать своего государя?" спросил Балдуин.

— Кто же не будет испытывать радости при вид того, кто так заботится о благополучии страны, о правосудии, кто старается уменьшить число несчастных и даровать нам хорошие законы?—

„Если ты так любишь его, — отвечал взволнованный Балдуин — я могу тебя сейчас же привести к нему".

— Только не сейчас, — пробормотал заробевший Эли.

„Не бойся, — возразил Балдуин — он не более горд, чем я. Иди за мной. Я покажу тебе весь двор в полном собрании, а посреди него — Балдуина IX, графа Фландрии и Геннегау".

Нечего было делать, приходилось слушаться.

— У меня сердце бьется, когда я думаю только об этом, ну, да ничего: я верю вам. Это большое счастье увидеть весь двор! А монсеньор граф, должно быть, одет весь в золото? — спросил Эли у Балдуина.

„Совсем нет, — отвечал последний — он ничем не отличается от своих придворных, он даже редко одевается так роскошно, как люди, составляющее его двор".

— Ну вот, — отвечал Эли, останавливаясь, как же я узнаю его? —

„Но тому необыкновенному почтению, которое будет ему оказано: все встанут при его входе".

После этого Балдуин взял Эли за руку и ввел его в богатую залу, в которой собрались все придворные. Там были графы, бароны, маркизы, рыцари, судьи, пажи, дамы. Кругом сверкали золотые украше-

ния, виднелся шелк и бархат, играли драгоценные камни. При входе Балдуина с Эли, все находившиеся в зал поднялись со своих мест, все приветствовали вошедшего, а дамы сделали глубокий реверанс. Эли в смущении искал глазами своего повелителя и наконец заметил, что все приветствия направлены в ту сторону, где стоял он со своим спутником. Тут он понял все.

— Господи, Иисусе Христе, — сказал он обращаясь к Балдуину, — да это вы, монсеньор?.. —

„Это я, отвечал Балдуин, поднимая Эли, павшего перед ним на колени. Рыцари, — обратился он после этого к присутствующим — вот тот, кто спас мне вчера жизнь. В случае надобности, окажите ему всякое содействие“.

Рыцари и дамы направились в сторону Эли, пожимали ему руки, обращались к нему с поздравлениями. Бедный Эли совершенно растерялся. Ему казалось, что все происходившее было только чудесным, волшебным сном. В то же время он начал опасаться за то, что так запросто обращался с государем.

По приказанию Балдуина, Эли отвели в соседнюю комнату, где надели на него новое платье, и только после переодевания привели его снова к Балдуину. Последний вручил ему в левую руку горсть золотых монет, а в правую — кусок пергамента.

— Что это такое? — спросил Эли боязливо у окружающих, показывая на пергамент. Ему объяснили, что это — грамота, которая передает ему ферму, но не в аренду, а в полную и наследственную собственность, под условием быть верным вассалом графа и ежегодно являться к нему для изъявления покорности, с цепом на шее, в те дни, которые будут годовщинами его встречи с государем.

Описать восторг Эли, описать испытанные им чув-

ства — невозможно. Он не шел домой, а летел, как бы несомый незримыми крыльями; ему казалось, что он не ступает ногами по земле. Его проводили до фермы четверо уполномоченных на это лиц и ввели его во владение фермой. Сновидение жены Эли стало действительностью. Она украсила цеп своего мужа цветами: с этих пор цеп сделался лучшим украшением дома.

Впоследствии город Брюгге так расширился, что бывшая собственность доброго крестьянина Эли вошла в его черту. Небольшая улица, находившаяся в соседстве с бывшей фермой Эли, долгое время после того называлась улицей цепа (Vlegel-Straet).

Средневековая легенда, нами пересказанная, послужила образцом для многих позднейших повествований на подобную же тему.



О г л а в л е н и е .

	стр.
Предисловие ко 2-му изданию.	
На развалинах Рима	5
Рабочий день в деревне	34
Воскресенье в деревне.	47
Из эпохи Жакерии	68
Крестьянская свадьба	90
История Гельмбрехта	104
Деревенские праздники.	116
Фландрский граф и крестьянин (Средневековая легенда)..	134

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА
„ПЕТРОГРАДСКИЙ УЧЕБНЫЙ МАГАЗИН“.

Петроград, Каменноостровский, 29. Телефон 461-32.

Магазин имеет на складе кроме многих других

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Беляевская О. А. Из жизни маленьких людей. Рассказы учит., ц. 30 к.
Её же. Из под снега. Сборник детских рассказов, ц. 50 к.

Варнеке Б. Театр. Лекции по истории театра. К. Боринского, ц. 1 р.

Вильсон. Приключение Шерлока Хольмса (на англ. языке), № 1. Союз рыжеволосых, ц. 50 к. № 2. Синие карбункул, ц. в папке 65 к.

Вологовский А. С. Садовник. Общедост. руков. для желающих заняться ведением плодового сада, со мн. рис., д. 75 к.

Глазунов. Пять комич. пьес для детского театра, с рис., ц. 80 к.

Его же. Декламационная хрестоматия, Ч. I, ц. 1 р. 20 к. Ч. II, ц. 1 р. 20 к.

Его же. Комедии, шутки, сцены, ц. 1 р.

Дмириев С. Курс русского языка для технических и ремесленных училищ. Часть I, Этимология, ц. 45 коп. Части II, Синтаксис, ц. 45 коп. Ч. III, Пособие при изучении словесности, ц. 1 р.

Дорогины. Первые шаги. Руков. при изучении нем. яз. с рис. Вып. I, ц. 25 к. Вып. II, ц. 50 к.

Ермин Н. Родные Звезды. Избранное для юношества и народа чтение из произвел, лучш. наших писателей, ц. в папке 1 р.

Запанков. Учитель народной школы, ц. 25 коп.

Заленский Э. Я. Записки земского врача, ц. 1 р.

Клунный. Курс геометрии, ц. 25 к.

Его же. Систематическое руководство к самостоятельному изложению мыслей. Ч. I-я, ц. 20 к.

Коробка Н. И. Опыт обзора истории русской литературы. Часть I, вып. I. Народная словесность, ц. 60 к. Ч. I, вып. II, ц. 60 к. Ч. II, ц. 1 р. Ч. III. Эпоха реалистич. романа, ц. 1 р. 20 к.

Корытин. Обзор литературы по ариф. и геометрии, ц. 1 руб.

Его же. Коммерческая арифм., ц. 1 р.

Кружовская С. К. Китай. Очерки жизни и нравов Небесной Империи, ц. 50 к.
Её же. Приключение доисторического мальчика, ц. 75 к.

Кружовский М. А. Астраханский край, со мн. рис., ц. 60 к.

Его же. Олонецкий край, со мн. рис., ц. 60 к.

Кружовский М. А. Жизнь в природе. Биологические очерки по Брэму, Маршалю и др. для детей стар. возраста, с 150 рис., ц. 1 р. 50 к.

Леше. Учебник немецк. языка, ч. I, ц. 1 р. Ч. II, ц. 1 р.

Его же. Существенное из немецкой грамматики, ц. 40 к.

Ливанов Н. Учебный курс теории словесности для средн. учеб. завед., ц. 1 р.

Мальшев И. Руководство к изучению всеобщей истории, сред. и новые века, для учит. семин. и город. учил., ц. 80 к.

Матвеев М. Курс пение в низш. класс. сред. учеб. завед. Руководство для учен. в трех тетр. Тетр. I—15 к., тетр. II—25 к., тетр. III—60 к.

Его же. Хоры для всех, 1, 2, 3 и 4 выпуски партитуры по 50 к. 1, 2, 3 и 4 вып. гол. по 50 к. каждый комплект.

Его же. Обзоры и перечни всех духовно-музыкальных и светских сочинений для однород. и смеш. хора.

Макаров Ф. И. Физиология и анатомия животных. Учебное руков. для реальных училищ, с рис., ц. 1 р.

Михайловский. Начальное руководство к изучению латинского языка. Грамматика и хрестоматия, ц. 1 р.

Его же. Латинская хрестоматия для духовн. учил., ц. 80 к.

Его же. Латинская грамматика для духов. уч., ц. 80 к.

Его же. Самоучитель итальянского языка по методе Берлица, ц. 1 р.

Его же. Русско-итальянский словарь, ц. 1 р. 50 к.

Михайловский и Варнеке. Избранные метаморфозы Овидия с постатейным словарем к ним, ц. 1 р.

Их же. Постатейный словарь к метаморозам Овидия, ц. 50 к.

Мордвинов И. Как устраивать в семье и школе елки, праздники и юбилеи? Сборник практических указание и статей для ролевого исполнения, ц. 1 р.

Никипин И. С. Школьный рождественский праздник. Сборник для трехголосного однородного хора, ц. 50 к.

Его же. Музыкальная хрестоматия, 68 однор. хоров, на 3 голоса, ц. 80 к.

Николаева А. А. Историч. хрестоматия. Пособие для школ и самообразования. Ц. 1 р. 20 к.

Павлович М. Г. Учебник теории словесности. Теоретические положения исторические сведения и разборы образцов, ц. 85 к.

Его же. Учебник истории древней русской литературы. Полный курс средн. учеб. заведений, ц. 85 к.

Пувило и Лебедкина. „В родном мире“. Хрестоматия, ч. I, 85 к.; ч. II, ц. 1 р. 20 к.; ч. III, ц. 1 р. 50 к.; ч. IV, ц. 2 р. 15 к.

Иго же. Примечание к хрестоматии „В родном мире“, ч. I, ц. 10 к.; ч. II, ц. 10 к.

Рудаков В. С. Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Переводы — близкий к подлиннику и литературный с примечаниями. Кн. I, ц. 30 к. Кн. II—IV, ц. 40 к. Кн. V—VI, ц. 40 к.

Светлов П. И. Учебник зоологии, сост. по программе кадетских корпусов и фельдшерских школ, ц. 60 к.

Его же. Учебник ботаники, сост. по прогр. кадетских корпусов и фельдшерских школ, ц. 50 к.

Смирнов Ф. А. Иллюстриров. русская история, ц. 55 к.

Его же. География Кавказа, с рис., ц. 65 к.

во	Франции	30 к.
в	Германии	30 к.
в	Италии	30 к.
в	Англии	30 к.
в	Испании	30 к.
в	Греции	30 к.
в	Японии	30 к.
в	Швеции	50 к.
в	Норвегии	30 к.
в	Турции	30 к.
в	Польше	30 к.
в	Сербии	30 к.
в	(Аравии)	
	Палестине	
	и Египте	60 к.
в	Чехии	30 к.
в	Финляндии	30 к.
в	Персии	50 к.

Новейшие и легчайшие руководства к изучению без посторонней помощи иностр. языков с точным произношен. каждого слова русскими буквами.

Тюленев П. Сборник рассказов и стихотворений для стилист. упраж. учащихся в млад. кл. гимназий, ц. 75 к.

Чебышева-Дмитриева Е. Вопросы начальной школы и педагогич. очерки, ц. 1 р.

Шаgren К. Учебник товароведения для коммерч. училищ, ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЕ КНИГИ:

1. Александров А. Пособие для литературных бесед и письмен. упражн. в младш. классах средн. учебн. заведений, ц. 25 к.

2. Белявский Ф. Очерки по истории культуры. Ч. I. Древний восток, ц. 60 к. Ч. II. Индия и Китай, ц. 60 к. Ч. III. Античный мир, ц. 60 к. Ч. IV. Иудаизм и христианство, ц. 1 р. 20 к.

3. Коробка Н. И. Опыт обзора истории русской литературы. Ч. II, ц. 1 р.

4. Ктитареv Я. Н. Руководство к изучению Закона Божьего в старших классах светских средних учебных заведениях, ч. I-я — *Православно-христианское вероучение*, ц. 1 р.; ч. II-я — *Существенный черты православного нравоучение*, ц. 85 к.

5. Его же. Вопросы религии и морали в русской художественной литературе, ч. I, ц. 1 р.; ч. II, ц. 1 р. 25 к.

6. Его же. Чтение об основных вопросах жизни: сущность и происхождение религии, бытие Божие и бессмертие души, ц. 1 рубль.

7. Матвеев М. В. Обзор всех *духовно-музыкальных* сочинений для *смешанного хора* с распредел. по степеням трудности. Вып. I-й, ц. 30 к.

8. Его же. Вып. II-й для *однородного хора*, ц. 25 к.

9. Его же. Обзор всех *светских* хоровых сочинений для *смешанного хора*, ц. 30 к. Для *однородного хора*, ц. 30 к.

10. Михайловский М. М. Русско-итальянский словарь, ц. 1 р. 50 к.

11. Россиневич В. Женские типы в русской литературе в первой половине XIX века, ц. 20 коп.

12. Фролов П. Сборник устных арифм. задач для 3 и 4 год. обучение в нач. учил., ц. 25 к.